

Ман

1764

ШАТРАНГ

КНИГА О ШАХМАТАХ

Издание
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
ЛЕНИНГРАД · 1936

Ман
1764

Супругу дяди Николая
Манагану
от моего и императорского
полюс
Н. П. П.

4. VII. 36
Зубов

1999 ТТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

И. ОРБЕЛИ и К. ТРЕВЕР

ШАТРАНГ

КНИГА О ШАХМАТАХ

ԱՎԱԴԵՄԻԿՈՍ
ՀԱՎՈՐ Հ. ՄԱՆԱԴՅԱՆ

ЛЕНИНГРАД 1936

«Раскрытие сути шахмат в том, чтобы в соответствии с тем, как сказано мудрецами: — разум одерживают победу, — оружие разума было осознано как главное».

Книга о Чатране

«Здесь все образы и пути от войны. Ты увидишь, когда раскроешь путь этой игры, и ход и мысль и снаряжение боя».

«Это в точности поле битвы, сказал бы ты».

Фердовси

1764-52

h. 8 - 1751

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
Введение	15
О двух иранских сказах про изобретение шахмат	29
О пехлевийской повести VII века про Чатранг	31
О сложении в X веке повести Фердовси про Шатранг . .	41
Книга о Чатранге (перевод с пехлевийского)	47
О Шатранге и Нарде, отрывок из Шахнамэ (перевод с персидского)	55
О Книге игр короля Альфонса Мудрого	75
О происхождении испанской Книги игр	77
Изобретение шахмат, костей и нарда в миниатюрах . .	87
Изготовление шахмат, нарда и костей в миниатюрах . .	92
Об игре, руководимой разумом	98
Об игре, зависящей от удачи	110
Об играх, руководимых разумом, но зависящих от удачи .	120
О древних шахматных фигурах	135
О двух древнейших шахматных фигурах Эрмитажа	144

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Гав и Талханд, повесть из Шахнамэ (перевел с персид- ского М. М. Дьяконов)	153
---	-----

ԱՎԱԴԵՍԻԿՈՍ
ՀԱՎՈՐ Հ. ՄԱՆԱԴՅԱՆ

ПРЕДИСЛОВИЕ

У этой книжки, как она ни мала, есть своя история. Задумана она была весной 1933 г., как параллельное издание двух самых замечательных шахматных фигур из собраний Эрмитажа и перевода не менее замечательного пехлевийского рассказа об истории изобретения шахмат.

Тогда же она была написана, но уже в плоскости более широкой, выходящей за пределы практической задачи ознакомления с тремя из наиболее ранних документов по истории шахмат. Выпустить ее тогда же в свет не хотелось, так как в самом процессе работы встал ряд интереснейших историко-культурных вопросов, связанных с возникновением и распространением этой игры, и собран был значительный материал. Брошюра грозила перерасти в книгу, но книгу, которая потребует длительной работы, а может быть и никогда не будет закончена — так велик, многообразен и интересен материал.

Литература по истории шахмат уже настолько обширна и содержит настолько ценные и обстоя-

тельные труды (как, например, книга Н. J. R. Murgay), что сейчас уже можно и нужно говорить о потребности в углубленной специальной работе по истории шахмат на Востоке в прошлом и в современном нам быту. Задача такой работы интересна, по многим причинам своевременна, поставить ее было бы не только желательно, но и необходимо. Для разрешения ее пришлось бы объединить труд специалистов по истории культуры различных стран Востока, и мы надеемся, что эта задача будет поставлена.

Сейчас же мы возвращаемся к первоначальному плану, уже два года тому назад дополненному включением перевода отрывка из Шахнамэ. Своевременное осуществление этого плана явилось бы введением в так пышно развернувшееся в 1934 году по всему Советскому Союзу празднование тысячелетия рождения творца Шахнамэ, одного из величайших поэтов Ирана, Абуль-Касима Фердовси.

Здесь читатель найдет оба широко известных в востоковедных кругах, но мало знакомых не-специалистам литературных памятника, — наиболее древние и в то же время обстоятельные письменные источники по истории шахмат в момент начала распространения этой игры за пределами создавшей ее Индии.

При переводе текстов мы старались держаться ближе к подлиннику, стремясь, насколько возможно, передать характер изложения. Этим объясняется не-

которая необычность, а местами и тяжеловесность построения фраз. Образные и описательные выражения и пехлевийского и персидского текста мы в большинстве случаев старались сохранить, не заменяя их простыми русскими смысловыми соответствиями, особенно в тех случаях, когда образность или описательность определения по смыслу достаточно ясна, а замена простым соответствием могла бы снизить тон поэтической речи, например: «с поднятой головой» — гордый; «с лицом, полным морщин» — озабоченный; «с победительным счастьем» — удачливый, счастливый; «ищущий битвы» — воинственный. Титулы, названия должностей и все другие подобные термины сохранены без перевода, так как замена их каким бы то ни было русским термином явилась бы, по существу, подменой самого понятия: слова «жрец», «старший маг», «священнослужитель», «ученый», «мудрец», при всем кажущемся соответствии, не могут выразить, каждое в отдельности, сложного понятия «мопет». А необходимость сохранения без перевода царских титулов *шаханшах* — «царь царей» и *шах* — «царь» вытекает из необходимости облегчить понимание реального значения обычных терминов шахматной игры и, в частности, завершающего игру термина *шахмат* — «царь умер».

И самая тема и характер обоих издаваемых здесь в переводе литературных произведений обязали нас в пояснениях выйти за пределы текстуального коммен-

тария и постараться, хотя бы в самых общих чертах, обрисовать обстановку как создания этих памятников, так и начальных этапов распространения шахмат.

Нам кажется, что издание сейчас этой книжки даже в далеко не полном и не совершенном виде сможет послужить толчком к постановке темы во всей ее широте. Именно поэтому мы отбросили значительные части готового текста и разнообразных материалов, касающихся позднейшей истории шахмат на Востоке, опустив много литературных и языковых данных из персидского, византийского, грузинского, курдского, турецкого, армянского, наконец из русского обихода, отбросили сравнительную терминологическую таблицу, которая, сама по себе, есть картина истории.

Но мы не решились исключить полностью все то, что удалось извлечь из книги кастильского короля Альфонса Мудрого, посвященной разнообразным настольным играм. Слишком тесно эта книга связана и с пехлевийской повестью, и с отрывком из Фердовси, слишком ярки и красноречивы иллюстрации к этому трактату в великолепной рукописи Эскуриала, чтобы не коснуться хотя бы вскользь этого памятника при первой же попытке дать советскому читателю представление о наиболее важных источниках по истории шахмат.

Если говорить об истории распространения шахмат за пределами Ирана, невозможно исключить из

поля зрения этот драгоценный памятник. Книга Альфонса интересна не только для шахматистов, но и для всех, кого привлекает картина повседневной жизни еще только начинавшей выходить из-под арабского господства Испании и вся сложность процесса формирования гибридной культуры феодального Средиземноморья. Рукопись Эскуриала тем более интересна, что ознакомление с нею дает возможность войти в круг иных, кроме шахмат, развлечений отдельных слоев феодального общества, развлечений, в которых не меньше, чем в шахматах, отразились черты культуры феодального общества стран Востока. В ней же находит освещение один из интереснейших вопросов истории шахмат — выход этой игры за пределы создавшей ее среды феодалов и распространение ее в других слоях общества.

Пусть остается на будущее задача издания произведенной нами работы по историко-культурному освещению миниатюр рукописи Альфонса. Нет оснований спешить с публикацией сравнительного анализа немногих сохранившихся, но зато тем более высокоценных, древнейших шахматных фигур, украшающих различные музеи мира. Быть может в дальнейшем удастся обеспечить надлежащую разработку не только изученного нами текста кастильской рукописи, но и тех многочисленных шахматных задач и примеров, которые составляют значительную часть рукописи: авторам настоящей книжки последняя

задача не по силам, так как они оба ни в малейшей степени не владеют искусством шахматной игры.

Надеемся, читателя заинтересует внесенный сейчас в качестве приложения стихотворный перевод М. М. Дьяконова глав Шахнамэ, излагающих повесть о Гаве и Талханде, зло принесшая распря которых привела, по Фердовси, и к великому благу — к созданию шахмат.

Ведь смерть Талханда и неутешное горе его матери, согласно Фердовси, вызвали создание игры, о которой арабский поэт сказал: «Шахматы — это сама мудрость, они ограждают от отчаяния, утишают тревогу влюбленного, удерживают пьяницу от крайностей, дают советы воину в опасности и даруют нам в нужную минуту товарища в нашем одиночестве».

ВВЕДЕНИЕ

Шахматы были изобретены в Индии, но в точности ни место ни время создания этой игры не известны. Наиболее ранние упоминания о шахматах говорят об этой игре как о явлении, хорошо известном и широко распространенном.

Но если шахматы были созданы в Индии и если непосредственно из Индии шахматы проникли в Китай, Тибет и на Малайские острова, где они распространены во всяком случае уже тринадцать веков, как распространены и сейчас, то страны, расположенные к западу от Индии, обязаны своим знакомством с шахматами посредству Ирана. Иран оставил свой отпечаток на этой игре в тех формах, в каких ее знали и различные народы собственно Ирана и народы Востока вообще, как арабы, армяне, грузины, византийцы, турки. Через Иран и, может быть, Кавказ ее узнали русские, а через арабов восприняли и европейцы, от жителей средиземноморских островов, Пиренеев, Апеннин и Франции до Германии и Британии и, с другой стороны до Польши.

Отпечаток этого сказывается прежде всего в той терминологии, которая, при всех ее видоизменениях, свыше тысячелетия сохраняет во всех европейских языках в большей или меньшей мере бесспорно иранские названия и возгласы. Эти возгласы даже обратились в название самой игры, как немецкое *schach*, кастильское *escaques*, французское *échecs*, английское *chess*, итальянское *scacchi*, — от возгласа 'шах, берегись', или русское *шахматы* — от завершающего игру возгласа *шах мат* — 'царь умер'.

Разумеется, восточными и, в частности, иранскими словами не одинаково насыщена шахматная терминология в различных европейских языках.

Понятно, что испанцы и итальянцы, больше и теснее соприкасавшиеся с арабами, принесшими с собою, хотя бы в несколько искаженной форме, иранские слова, легче освоили и лучше сохранили соответственные термины, как латинское *alphiles*, *alfinus*, испанское *alfil*, *arfil*, итальянское *alfino*, *alfiero* от арабизованного (в виде *fil*) персидского *phil* — 'слон' с арабским грамматическим членом *al*. Неудивительно, что то же слово во французском, будучи усвоено из латинского в виде *aufin*, из кастильского в виде *le fil*, затем было осмыслено в значении *fol*, *fou* — 'безумец, дурак, шут'. А персидское название колесницы или лады *ruk* (об этом подробнее ниже), проникнув через арабский в европейские языки, в виде английского *rook*, итальянского

1. Царь Хосров Парвез. Рельеф на скале.

госсо и французского гос, дало основание для возможного восприятия термина в значении 'утес'; отсюда не трудно было перейти и к замене непонятной фигуры с несоответственным, по видимости, названием, — 'башней', так легко связывающегося в обстановке феодального общества с утесом: французское позднейшее *tour*, немецкое *turm*. Ведь нечто сходное мы имеем и в монгольском обиходе, где иранское название ферзя *fraziṇ* или *farziṇ*, в монгольской фонетической закономерной передаче *barz*, было воспринято и введено в национальный монгольский набор фигур в виде тигра — в соответствии со значением монгольского слова *barz*.

А народы, несколько веков — и именно в период проникновения в их среду и оседания шахматной игры — жившие под непосредственным господством арабских халифов (а затем — эмиров) на Пиренейском полуострове, в перемежку с заплонившими страну под названием мавров арабами, т. е. португальцы и испанцы, сохранили в самом названии игры — кастильское *asedrex* и португальское *xadrez*, — арабскую форму *шатрандж* от персидского слова *шатранг*, которое через пехлевийское *чатран* восходит к индийскому, санскритскому, коренному и единственно осмысленному названию игры *чатурама*. По-санскритски *чатурама* значит 'четыре члена' или 'четырёхчленное', т. е. войско, состоящее из четырех родов оружия: колесниц, слонов, конницы и пехоты.

14-52

Не нужно быть знакомым с издаваемым тут в переводе рассказом Фердовси об обстоятельствах создания шахмат, чтобы осознать военный в корне характер игры, все фигуры которой — и по названиям и по формам — осмыслены лишь в неразрывной связи с войском, его строем и ходом боя. Даже по недоразумению — быть может тоже в результате попытки осмысления — появившаяся «королева» (французское *reine*, английское *queen*) или «дама», т. е. 'госпожа, государыня' (романское *domina*, *donna*, немецкое *dame*), вместо первоначальной в обиходе тех же народов фигуры под названием *fers*, *fersia*, *fierge* (быть может через промежуточное *vierge*) уместна если не в бою, то в обстановке феодального, в частности европейского, феодального общества, — на турнире.

Но если уж говорить о зарождении шахматной игры, то ограничиться указанием на ее военную в основе тематику значило бы не сказать ничего или сказать то, что ясно каждому.

Нужно учесть и то, какое именно войско, какой его строй и какие правила боя отразились в шахматах, чтобы понять, что ни в какой другой среде, если не в Индии, Иране и неразрывно с ними культурно связанных странах, не могла зародиться эта игра в том виде, как она известна в истории, и даже в наши дни.

Постановка впереди боевого строя пехоты — в частности щитоносных легко вооруженных отрядов —

общее правило в восточных феодальных государствах, хотя бы сасанидской эпохи, находящее себе объяснение и в составе пехоты, набиравшейся из среды эксплуатируемого населения (если не полностью, то почти исключительно), и тактикой боя, в процессе которого утомленная рубкой конница находила себе временную защиту, для передышки, за плотно сомкнутыми большими щитами застывшей копьей пехоты.

Царь, во главе наиболее подвижной и, если не решающей, то в основном ведущей бой конницы, состоявшей из — опять-таки, если не полностью, то почти исключительно — феодалов, был окружен отборной тяжелой кавалерией латников. Те, кто составляли личную гвардию монарха, будь то ахеменидский царь VI в. до н. э. или сасанидский царь VI—VII вв. н. э., были покрыты непроницаемой для тогдашнего наступательного оружия стальной кольчужной броней, усиленной пластинами панциря, и вступали в бой на тяжелых могучих конях, передняя часть тела которых была покрыта панцирем; предполагалось, что врагу не станет доступна для поражения задняя часть коней этой конницы «бессмертных», как называли личную гвардию царя царей Ирана. Очень яркое представление о таком всаднике из тяжелой конницы дает скульптура, изображающая царя Хосрова II Парвеза, начала VII в., в искусственном гроте Так-и-Бостан в Иране (табл. 1).

Чудовищную силу индийского, как и бактрийского, а затем и иранского войска составляли слоны, страшные и теми стрелками и метателями дротиков, которые были укрыты в возвышавшихся на спинах слонов башенках, и тяжелой, всесокрушающей и особенно губительной для пехоты поступью ног, и силой бивней и хобота зверя. Отвратить наступление слонов можно было лишь теми четырехконечными железными шипами, которыми для защиты и от конницы усыпалось пространство перед наступающим врагом; будучи всегда обращены одним концом вверх, эти шипы вонзались в ступни слонов, вызывая в их рядах смятение и естественное стремление уйти назад, туда, где они не испытывали жестокой боли от этих заноз. Судя по описаниям битв в открытом поле, слоны вступали в бой в решительную и трудную минуту.

На двух парных серебряных фаларах Эрмитажа, бляхах конской сбруи, происходящих из Бактрии, представлены такие боевые слоны в богатом убранстве, несущие на спине башенку, в которой находятся воины в шлемах.

Индия дольше, чем Иран, сохраняла в составе своего войска один из распространеннейших на Востоке родов оружия — боевую колесницу, страшную для врага не только оружием скакавших на колеснице воинов, но и теми ножами, которыми были снабжены колеса этих *gatha* (индийское название шахматной ладьи) и которые косили на своем

пути вражескую пехоту и подрубали ноги вражеским коням. Сасанидское войско, во всяком случае в период проникновения шахмат в Иран, колесницами не пользовалось и, соответственно этому, фигура эта была, очевидно, заменена другою, которая должна была соответствовать по форме своему иранскому названию *gukh*. Реальной боевой единицы в составе иранского войска подобрать для этого названия невозможно; и вот у старых лексикографов мы находим указание, что эта шахматная фигура получила свое название от знаменитой чудовищной по размерам и силе птицы иранской мифологии, которая многим русским читателям знакома по распространенным переводам восточных сказок под названием «птицы Рок».

Эта колоссальная хищная птица была способна поднять на воздух целого носорога, а в нужную минуту, при неблагоприятных для героя сказки обстоятельствах, являлась ему на помощь, переносила его или уносила его врагов. С другой стороны, в Индии так называли чудовищного и необычайно свирепого двутелого или, так сказать, двупередого сказочного зверя, несомненно отразившегося в характерном для национального монгольского шахматного набора облике этой фигуры. Иранский же облик птицы Рух отразился в той найденной в Средней Азии замечательной фигурке из слоновой кости, которая едва ли не принадлежала к какому-то выдающемуся по художественности выполнения шахматному набору

(табл. 16). Мы ещё вернемся к этой фигурке, принадлежащей Эрмитажу.

В одном из приводимых ниже текстов, в поэме Фердовси, мы встретимся в ряду шахматных фигур еще с одним животным, место и время появления которого может вызвать удивление. Это — верблюд, который, конечно, был неуместен и в рядах индийского войска и в рядах иранского войска сасанидской эпохи и, несомненно, потому не фигурирует в издаваемом пехлевийском памятнике. В период начавшегося наводнения восточного Ирана среднеазиатскими кочевниками (из среды которых происходил и тот, которому Фердовси поднес свою поэму «Шах-намэ», эмир или султан Газны — Махмуд, в X веке) Фердовси должен был знать воинов на верблюдах и мог видеть шахматный набор, включавший в себя и этот необычайный для Ирана в прежние времена род войска. Если себе представить в еще более позднее время, в XIV веке, создателя могущественнейшего государства Тимура за излюбленными им шахматами с большой, выше чем столеточной доской, — то хочется думать, что в рядах игрушечного войска этого великого завоевателя стояли и изображения тех воинов на верблюдах, которые принимали участие в его победоносных походах.

В центре войска на шахматной доске стоит царь, бывший в Иране верховным главнокомандующим, лишь от лица которого командовал всеми войсками

спахпат Ирана, как в Армении от лица армянского царя командовал спарапет.

Как известно, царь в шахматной игре — единственная фигура, которая не может быть взята или убита: как убийство Фердовси рассматривает взятие фигуры противника. Царь сам «умирает», для него наступает момент «мат», когда он окружен, но не повергнут врагами, так, как умер Талханд в поэме Фердовси.

Неизбежность такого именно конца игры вытекает из реальных условий этой эпохи.

Из многочисленных описаний битв между персами и армянами и албанцами, сохранных армянскими писателями сасанидской эпохи, мы узнаем, что в восточном феодальном обществе личность вражеского царя, даже в самой горячей битве, признавалась неприкосновенной для всех неравных ему по рождению и по своему положению в феодальной иерархии. Характерны слова одного из наиболее прославленных и идеализованно изображенных армянским писателем V века Фавстом армянских полководцев, Мушега, сказанные в ответ на упреки трусливого царя Папа, в бою не участвовавшего, но сетовавшего на то, что Мушег не убил настигнутого им албанского царя, а прогнал его с поля битвы, нанося удары его коню древком копья.

«Равных мне врагов я всех истребил, а те, которые имели венец, те были ровней не для меня,

а для тебя. Сделай милость, как я убил равных мне, — так ты убей твоих. А я никогда не подымал руки на венценосцев, имеющих венец, и не подыму и пусть никто не подымает. Если желаешь убить меня — убей, но, если когда-либо попадется мне в руки венценосец, как попадались многократно, — я не убью венценосца, поскольку он имеет венец, даже если меня будут убивать».

Не трудно понять, как в условиях непрерывных феодальных войн, в интересах не рядовых феодалов, и тем более — не тех, кто нес на себе все бремя и тяжесть феодальной эксплуатации, мог сложиться такой тезис. Характерно, что в предвидении возможного поворота счастья (известно, как часто и могущественнейший царь царей Ирана Шапур II в войнах со своими вассалами попадал в тяжелое и лично для него опасное положение) сложился и другой тезис: царь не лишал жизни захваченного венценосца, а заточал его навсегда в знаменитый «Замок Забвения» (кстати — по словам одного византийского писателя — в золотых, согласно рангу заточенного, цепях) и мог ослепить, но не лишить жизни. Ссылки на взаимную клятву верности вассала и сюзерена или на «божественный» источник царской власти прикрывали необходимость взаимной гарантии от непоправимого и еще более возвеличивали главу феодального государства.

Не ту же ли идеологию отражает, в передаче арабского писателя Ибн-ал-Асира, разговор Махмуда,

2. Царь Хосров Аношрован. Серебряное блюдо.

султана Газны, с побежденным им властителем Рея, сосланным затем в Хорасан (1029 г.):

— Ты читал Шах-намэ и Табарн?

— Да.

— Не похоже на то чтоб ты их читал! А в шахматы играешь?

— Да.

— А видал ли ты, чтобы шах приближался к шаху?

— Нет.

— Зачем же ты тогда обратился на того, кто сильнее тебя?

В свете именно этого тезиса нужно рассматривать и заботу Гава о том, чтобы доказать матери отсутствие каких-либо ран на теле Талханда; здесь дело не в братоубийстве, — Гав был слишком далеко во время боя, — дело в том, что никто из его войска не поднял руки против Талханда, что тот умер своею смертью.

Второй вопрос Махмуда Газневи, — даже совершенно независимо от того, имел ли он место или не имел, но поскольку он изложен у Ибн-ал-Асира, — не случаен. В условиях времени и места это вопрос почти что риторический. Властитель Рея не мог не играть в шахматы, или он казался бы недостойным своего титула и положения.

Еще в VII в., когда создавался исторический рассказ, по существу романическая повесть об основателе сасанидской династии Арташире Папакане (III в.),

в нее внесена была деталь, характеризующая представления феодалов той эпохи о необходимых для надлежаще воспитанного властителя качествах: «С помощью бога он стал в игре в мяч, в верховой езде, в шахматах, в охоте и в других искусствах более силен и искусен, чем все (царевичи и сыновья феодалов)».

Понятное огорчение ясно чувствуется в словах халифа ал-Мамуна (IX в.), который любил играть в шахматы, но играл плохо: «Странно, что я правлю миром от Инда на востоке до Андалусии на западе, и не могу справиться с тридцатью двумя шахматными фигурами на пространстве в две пяди на две».

И когда в середине XI в. персидский поэт Фахр-ад-дин из Гургана, а вслед за ним, в XII в., его грузинский переводчик и пересказчик хотели показать с лучшей стороны хорошую воспитанность витязя Рамина, героя знаменитого романа о Висе и Рамине, они отметили, что Рамин был искусен в игре в поло и в шахматах. Таких примеров можно было бы привести десятки.

Поэтому заслуживает доверия сообщение арабского писателя Масуди (X в.), что у богатых людей был обычай содержать в своем доме хороших игроков в шахматы в качестве наставников.

А европейские феодалы, усвоив заимствованные с Востока шахматы и поло, т. е. конную игру в мяч, на несколько веков сделали их своим излюбленным развлечением, почти что своей привилегией, ушед-

шей из их рук, когда многим много более существенным им пришлось поступиться в пользу нового, выступившего на смену гегемона — буржуазии, и лишь поло, сохранившееся на Западе почти исключительно в самой консервативной стране, в Англии, продолжало оставаться достоянием перерождающихся феодалов.

Иначе слагалась история шахмат на Востоке. Если поло, в силу самого своего характера, развивалось и жило в среде феодалов, то шахматы уже давно переросли создавший эту игру класс. У большинства восточных народов Передней Азии шахматы уже много веков назад стали достоянием не только феодальных слоев, а в более близкий нам период уже во всяком случае были распространены как среди узбекского и таджикского народов Средней Азии, так и у персов, курдов и турок в Передней Азии, — и среди городского сословия, отличая уже не знатных от незнатных, а определяя вдумчивых и почтенных людей. У курдов коренного Курдистана для бека, как и для купца, лестной аттестацией служит указание, что он умеет играть в шахматы, и даже те, кто не умеют, не прочь сослаться на свое умение.

Вот почему и в Советской Армении, в Абаране, и в курдской и в армянской деревушке можно встретить выдающихся шахматистов и такой интересный набор шахмат, как поступивший в 1933 г. в Эрмитаж.

**О ДВУХ ИРАНСКИХ СКАЗАХ ПРО
ИЗОБРЕТЕНИЕ ШАХМАТ**

О ПЕХЛЕВИЙСКОЙ ПОВЕСТИ VI ВЕКА
ПРО ЧАТРАНГ

Наиболее ранний из иранских письменных источников по истории шахмат — «Книга о чатранге», название которой в различных редакциях этого текста сохранилось в двух формах: *Матикан-и-чатранг* и *Чатранг-намак*.

Не являясь историческим документом в собственном смысле слова, этот памятник тем не менее очень ценен по деталям, касающимся самой шахматной игры, по характеристике ее высокого воспитательного значения, по сведениям о другой изобретенной на Востоке игре, а также и по любопытным чертам бытовой обстановки, если не создания, то первых этапов распространения шахмат.

«Книга о чатранге» представляет собою небольшой рассказ, хотя и сохранившийся в сборных рукописях (самая ранняя из них XIII в.), но, несомненно, представляющий собою самостоятельное литературное произведение.

Написано оно на языке феодалов средневекового до-мусульманского Ирана, известном под восточным

названием *пехлеви* или пехлевийского (то есть, буквально — парфянского) и под европейским научным названием «средне-персидского». Последнее название, хотя и принято в науке, но неудовлетворительно, поскольку язык этот вовсе не является ни результатом развития древне-персидского языка ахеменидских клинообразных надписей, ни тем языком, из которого развился персидский язык уже мусульманского периода, в основном сохранившийся до наших дней.

Естественно, что этот язык, бывший живым разговорным языком господствующего класса Ирана в сасанидский период, стал и языком литературы этого времени, в том числе, и в первую очередь, литературы культовой. После социального сдвига, совпавшего с арабским завоеванием и отчасти явившегося его результатом, пехлеви жил уже почти исключительно как язык культовый, богослужебный, среди тех элементов или слоев населения Ирана, которые сначала на родной почве, а затем и в принявшей их Индии, сохранили верность древней религии Ирана — зороастризму, религии так называемых парсов. Поэтому было бы ошибочным считать всякое произведение, написанное на пехлевийском языке, непременно относящимся к периоду до завоевания арабами Ирана, т. е. до половины VII в.

Но ряд весьма существенных филологических и исторических данных, изложение которых здесь

3. Мудрецы представляют индийскому царю шахматы, кости и нарды. Миниатюра.

отвлекло бы нас в сторону, позволяет принять не оспаривая обычную в научной литературе датировку «Книги о чатранге» и относить ее к первым десятилетиям после крушения сасанидской империи к рубежу VII—VIII вв.

Ярко выраженный классовый облик пехлевийского языка и еще более яркая классовая сущность пехлевийской литературы, обстановка и условия ее сложения и развития определили своеобразный характер самой письменности. Не только наука и литературное творчество, но в значительной степени и простая грамотность являлись достоянием **мопетов**, **слу-жителей культа**, и **особой группы, если не касты, дапиров**, грамотеев: служба интересам класса феодалов и являясь носителями его нематериальных культурных ценностей, сохраняя старую традицию, вытекающую из условий сложения письменности (на арамейских, т. е. северно-семитических, корнях), дапиры были заинтересованы даже в усложнении техники письма, чтобы затруднить непосвященным проникновение в свои кастовые тайны. Этим объясняется, что пехлевийская письменность пользуется не только арамейским алфавитом, но и во множестве так называемыми идеограммами, т. е. застывшими, омертвевшими начертаниями целых арамейских слов, вместо которых мопеты и дапиры, читая тот или иной текст, произносили соответственные пехлевийские слова. Исключением являются, главным образом,

те памятники, которые дошли до нас из среды формально — еретических, по существу — революционных, низовых слоев так называемой манихейской секты. Точная дешифровка пехлевийского текста представляет поэтому значительные затруднения.

Текст *Матикан-и-чатран* был впервые дешифрован, в смысле раскрытия идеограмм и установления иранского текста, в 1886 г. русским академиком К. Г. Залеманом, давшим и немецкий перевод, с которым мы в некоторых случаях сознательно расходимся.

Основная фигура, хотя и не главное действующее лицо, «Книги о чатранге» — сасанидский царь Хосроу или Хосров I Аношрован (509—579 гг.), один из наиболее прославленных в ряду сасанидских царей.

Хосров вступил на престол в исключительно острый и бурный период истории Ирана, в условиях не вполне еще удушенного громадной силы социального движения: под внешним обликом маздакитской секты в зороастризме и барсомовской ереси в христианстве развивалось мощное крестьянское, совместно с городскими ремесленниками, восстание, умело и хитро использованное отцом Хосрова, царем Кавадом, в его борьбе со стеснявшими его крупными феодальными родами. Хосров завершил начатую Кавадом в конце его жизни вероломную и беспощадную ликвидацию маздакитов.

Развивая ту же борьбу с крупными феодалами, Хосров осуществил ряд мероприятий государствен-

ного порядка, направленных к раздроблению сил этих феодалов и к созданию новых, всецело от него зависевших и от него получивших землю, воду и власть феодальных группировок, награждал землями преданных ему полководцев и исполнителей его велений, выдвигая и те элементы господствующего класса, которые в предшествующее время по рангу своему не могли рассчитывать на возвышение.

В тех же целях он разделил власть верховного военачальника Ирана между четырьмя спашпатами, то есть военачальниками четырех армий. Умелое использование феодальных распри, переброска ответственных отрядов на границы государства и тем усиленная завоевательная деятельность Хосрова не только расширили до небывалых (после крушения ахеменидской империи) пределов территорию сасанидского государства, но и вообще укрепили внешнюю мощь и величие «шаханшаха Ирана и не-Ирана», как себя титуловали сасанидские цари.

Обычное для восточных дворов окружение престола служившими ему своим искусством поэтами, музыкантами, художниками и учеными, бывшее предметом особых забот Хосрова, создало его личности настолько широкую славу, что с пережитками ее можно столкнуться и в наши дни: с его именем народное предание связывает историю сооружения многих выдающихся памятников древности, ничего общего с Хосровом не имеющих.

О том, какие цели преследовались восточными властителями при сосредоточении вокруг себя всех этих ученых и артистов, можно судить и по интересующему нас тексту, при всей его лаконичности в высшей степени выразительному: «Как подобает Вам шаханшахский титул и как являетесь Вы над всеми нами шаханшахом, — подобает и ученым Вашим наших учение быть». Или: «Пребывайте в уверенности, что Вы достойны шаханшахства и что Ваши ученые таковых Девсарма учение».

За таким сосредоточением вокруг престола поэтов, ученых и мудрецов, за этим покровительством наукам и искусствам скрывались и вполне конкретные и реальные политические мотивы. В частности, Хосров Аношрван известен как покровитель ряда греческих философов, не только получивших в его дни пристанище в Иране, но и по возвращении своем в Византию обеспеченных, в процессе заключения договора между Хосровом и императором Юстинианом, защитой от преследований.

Это обстоятельство могло бы рассматриваться как проявление особого внимания Хосрова к античной философии и ее средневековым представителям, а между тем эти меры Хосрова — лишь частный случай общей политики и Хосрова и других сасанидских царей, которые давали в Иране пристанище, и даже предоставляли льготы испытывавшим в Византии преследования сектантам, вождям несогласных с госу-

дарственным строем и отражавшей его государственной религией учений. Внедряя в население пограничных с Византией округов элементы, испытывавшие на себе всю тяжесть византийской государственности и гнет крепко подпиравшей ее византийской церкви, они создали оплот против возможного повторения попыток Византии захватить эти области. Это был своего рода кулак против Византии.

Но каковы бы ни были политические цели и задачи, сближение с греческими мыслителями и учеными и их временное сосредоточение в Иране привели к усилению и умножению переводов как на пехлевийский язык, так и на армянский, творений античных философов, а это в свою очередь впоследствии содействовало распространению идей греческой философии и науки на Востоке и после крушения сасанидской империи.

Славу покровителя наук и искусств, мужа совета и мудреца Хосров стяжал еще при жизни. Недаром в ряду иконографически закрепленных, официально утвержденных портретов сасанидских царей (как видно из слов арабского писателя X века, Хамзы Исфаханского) лишь один Хосров был изображен не вонтемом, а восседающим на престоле. На колоссальном рельефе в южном Иране Хосров изображен не в сцене боя или охоты и не в качестве победителя, как другие сасанидские цари, а торжественно восседающим на престоле в кругу своих приближен-

ных и монетов. Уже много столетий известен и прославлен портрет сидящего на престоле Хосрова; вырезанный в круглой пластинке горного хрусталя, в знаменитой золотой чаше аббатства Сен-Дени в Париже, а в 1923 г. случайная находка близ Кунгура на Урале доставила Эрмитажу прекрасно сохранившееся большое серебряное блюдо, на котором Хосров также изображен сидящим на троне, с четырьмя вельможами или военачальниками по сторонам (табл. 2).

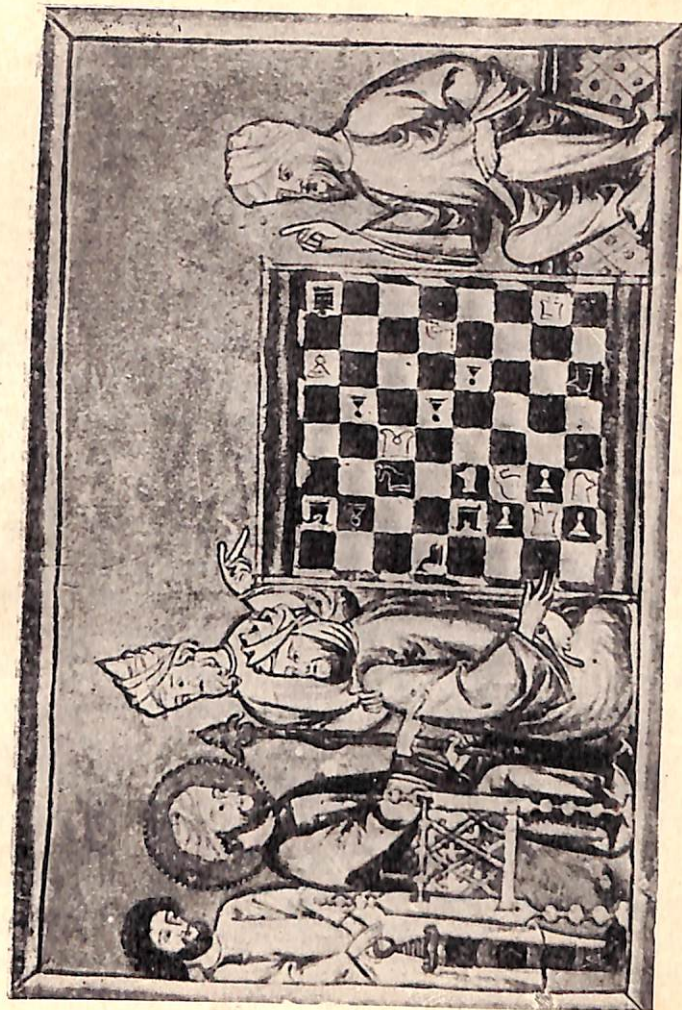
В ряду окружавших Хосрова служителей искусства и науки, и прежде всего царского престола, первое место и историческое предание и народная память отводят полуделегандарному царедворцу и мудрецу-энциклопедисту, Вазургмихру, который является главным действующим лицом «Книги о чатранге», героем не только, как увидим, соответственных глав Шах-намэ Фердовси, но и особого пространного рассказа Фердовси, посвященного выявлению и восхвалению мудрости Бузургмихра. Имя Бузургмихра на связанном с иранской культурой Востоке стало нарицательным.

Что касается до приурочения ко времени Хосрова появления в Иране шахмат, то об этом, кроме данного текста, сообщает ряд других, хотя и несколько более поздних, но зато более признанных исторических источников, как арабские писатели Табари (IX в.), Масуди (X в.) и Са'алиби (XI в.).

Но, если бы независимо от всех этих свидетельств нужно было определить наиболее вероятный период сасанидской эпохи, когда шахматы могли из Индии проникнуть в Иран, то пришлось бы указать именно время Хосрова, когда и в области искусства — и, в частности, литературы — отмечается мощная волна индийских течений, когда слагается перевод на пехлевийский язык знаменитой индийской книги басен «Калила и Димна» (в ее уже иранском облике нашедшей себе необычайно широкое распространение среди различных народов Передней Азии), когда проникла в Иран индийская повесть о жизни Будды, занявшая видное место в литературе армян, грузин, арабов и других народов, в приспособленном к роли жития святого Иоасафа виде.

Ко времени Хосрова относится и факт большого культурного значения, но уже, так сказать, внутрииранского обихода — сложение свода древних эпических преданий и песен, возникших разновременно, но направленных к одной и той же цели — к возвеличению героев и, в первую очередь, царей. Это — недошедший до нас в подлиннике пехлевийский эпос *Хватай-намак* — «Книга властителей». При всей своей несомненной классовой направленности — и именно, может быть, в силу этой классовой направленности — «Книга властителей», не говоря уже о чисто историко-литературной ее ценности, представляла бы драгоценнейший источник для изучения

многих реальных фактов истории Ирана в условиях менее искаженной перспективы, чем та, которую приходится учитывать при использовании величайшего из памятников иранского эпоса (а по объему, кажется, величайшего в истории человечества поэтического творения) — прославленной «Книги царей», Шах-намэ, Фердовси.

4. Первая шахматная партия. Миниатюра.

*О СЛОЖЕНИИ В X ВЕКЕ ПОВЕСТИ ФЕРДОВСИ
ПРО ШАТРАНГ*

Пехлевийский текст «Книги властителей» не сохранился, как не сохранился и его персидский перевод, в котором не только учтены были относящиеся ко временам последних сасанидских царей дополнения, говорящие о событиях после Хосрова I, но и внесены сведения, почерпнутые из других источников.

Необходимость в этом переводе стояла в связи с общим процессом сложения нового литературного языка в условиях изменившихся и вновь складывавшихся общественных отношений в Иране. Древнейшие феодальные гнезда и сидевшие в них древние роды прекратили существование или потеряли всякое значение. Уделели, да и то, главным образом, на окраинах страны, некоторые роды, которые вели начало от служилых феодалов времени Кавада и Хосрова I. Выдвигались и достигали высших общественных ступеней новые люди из когда-то низших слоев, и даже полураб по происхождению, Махмуд, смог возвыситься до положения могущественного эмира

или султана Газны в восточном Иране и дать начало так называемой газневидской династии.

С этим смещением общественных слоев стояло в связи и выдвижение в роли ведущего официального языка одного из тех иранских диалектов, которые, конечно, существовали и жили в сасанидскую эпоху, но развивались в среде, никак не игравшей руководящей роли при Сасанидах.

Заняв господствующее положение, новые люди и среди них, вероятно, в первую очередь представители династии Саманидов и составлявшие их окружение и опору общественные элементы, естественно, выдвинули свой язык, до того не имевший письменности. В сложении нового литературного языка принимали участие и городские слои общества.

Делом властителей, для которых этот язык был родным и разговорным, было сделать его литературным, создать соответствующую интересам новых господ положения литературу, в том числе и научную, и поэзию, хотя бы, на первых порах, — на старых корнях. С пехлевийского языка переводятся в сравнительно короткий промежуток времени лучшие литературные произведения, переводятся как на персидский язык, так и на язык охватившей большую часть переднего Востока мусульманской культуры, — арабский. В забвении остаются лишь религиозные книги старой, неуклонно теряющей последователей, религии — зороастриазма.

Благодаря этим переводам с пехлевийского новая персидская литература, как и арабская, обогащается не только памятниками иранской литературы, но и высокими творениями научной и философской мысли, проникшими в пехлевийскую письменность из Индии и Греции, образцами правоучительной литературы (в числе первых «Калила и Димна») и не утратившими своего значения и в наши дни увлекательными индийскими сказками, как повесть о Синдабаде.

Странно думать, что в этой обстановке создавалась почва, обеспечившая знакомство западно-европейского средневековья с творениями греческих философов, как Аристотель и Платон, греческих врачей, как Гиппократ, и с давними взглядам Гиппократа распространение в Европе трудами иранских, сирийских, армянских и арабских врачей, в европейском обиходе, естественно, утеравших свои разнородные черты под общим обликом арабских целителей.

К числу таких переводов с пехлевийского относится и выполненный особой коллегией в середине X века перевод «Книги властителей».

Вскоре за этим прозаическим переводом последовала первая попытка стихотворного переложения этой полу-эпической прозы — полу-исторического рассказа. Задачу эту должен был выполнить по заказу одного из членов саманидской династии молодой,

но прославленный поэт, перс из зороастрийской, не принявшей ислама, среды, Дакики. Но этот труд оборвался в самом начале насильственной смертью поэта.

Эту задачу выполнил величайший из поэтов Ирана, Абуль Касим Фердовси, родившийся в 934 г. в городе Тус в Хорасане, т. е. в восточном Иране, положивший на этот гигантский труд (около 60 000 двойных стихов) свыше тридцати лет и закончивший его уже в преклонном возрасте.

Сведения о жизни Фердовси крайне скудны. Известно, во всяком случае, что он происходил из мелких землевладельцев, прожил почти всю жизнь в родном городе, был не чужд влечения к мирским утехам, в том числе к неодобряемым правоверным исламом (Фердовси не скрывает своей любви к вину), судя по всему его колоссальному творению — чувствовал себя много лучше в идеологической обстановке старого, до-арабского, до-мусульманского Ирана, если тяготел к божеству, то скорее к иранскому владыке солнца и луны, Изеду, чем к арабскому, а затем и общемусульманскому алаху, и, может быть, этим всем, — а может и чем другим — приобрел не послужившую ему на пользу славу еретика. Трудных для Фердовси материальных условий не облегчило, повидимому, и освобождение его от поземельного налога. Его необъятный поэтический труд не принес поэту ожидавшихся, судя по многим его замечаниям, благ:

подарок султана Махмуда, слишком поздно оценившего труд великого поэта, по преданию был доставлен в Тус в тот час, когда через другие ворота города выносили тело Фердовси для погребения.

Фердовси, несомненно, использовал старую пехлевийскую традицию «Книги властителей». Постоянно ссылаясь на сказания мобедов, послужившие ему источником, он держится настолько близко к этому источнику, что, например, дошедшие до нас изображения эпизодов из жизни одного из сасанидских царей, Варахрана V (Бахрам Гура), на сасанидских серебряных блюдах Эрмитажа могли бы быть приняты за иллюстрацию к Шах-намэ, хотя они были сделаны задолго до Фердовси.

Особым вниманием и почтением окружил Фердовси имя Хосрова Нуширвана, посвятив ему около 5000 двойных стихов и всячески оттеняя его облик как покровителя наук и искусства. В ряду глав, посвященных этому славословию, не последнее место занимают главы о чатранге, по персидски — шахматанге.

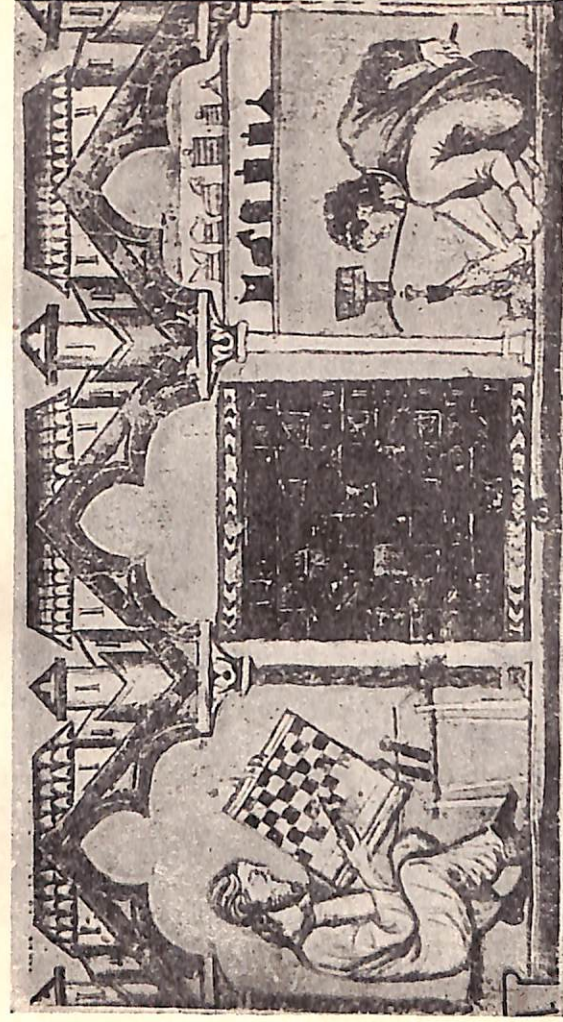
Рассказ Фердовси о присылке индийским раджою (поэт локализует владения этого раджи в Каннудже) шахмат не вполне совпадает с «Книгой о чатранге». Даже если отнести отступления за счет творчества Фердовси, все же не подлежит сомнению, что источником для великого поэта служил не тот текст, который сохранился под названием *Матикан-и-чатранг*,

а другая версия этой повести. Особенно характерно, что не зная или игнорируя нарочито мудрствующее толкование сути иранской игры, которое мы находим в *Матикан-и-чатранг*, Фердовси с много большим тщанием оттеняет величие и значение изобретения Вазургмихра (по персидски — Бузургмихр) упиваясь этим превосходством иранской мысли над индийской.

Что касается самих шахмат, то порядок расположения рассказа и характер изложения Фердовси не оставляет места для сомнений в том, что Фердовси знал две версии — вернее два самостоятельных рассказа — о шахматах. Во втором из них мы находим изумительную по красоте изложения повесть о Гаве и Талханде, двух юных индийских царевичах, трагическая смерть одного из которых и явилась поводом для создания шахмат.

КНИГА О ЧАТРАНГЕ

Перевод с пехлевийского

5. Изготовление шахмат. Миниатюра.

КНИГА О ЧАТРАНГЕ

Во имя Ездана.

Итак, говорят, что во владычество Хосрова Аношрована великий царь индийцев Девсарм, желая испытать разум и мудрость иранцев, а также ради собственной выгоды послал (Хосрову) игру Чатранг, шестнадцать штук из изумруда и шестнадцать штук из красного яхонта. Вместе с этим Чатрангом тысячу двести верблюжьих вьюков золота и серебра и самоцветов и жемчуга и одежду и девяносто слонов он послал. С ними и опись этим вещам он послал. И изобретателя [шахматной] доски, самого выдающегося среди индийцев, с ними он послал.

И в грамоте так было написано: «Как подобает Вам шаханшахство и как являетесь Вы над всеми нами шаханшахом, подобает и ученым Вашим наших учение быть. Если (же) сути этого Чатранга не раскроете, то налог и подать пришлите».

Шаханшах три дня сроку потребовал, но никого среди ученых Эраншахра не было, кто суть этого Чатранга мог бы раскрыть.

На третий день Важургмихр Бохтак встал. И он сказал: «Бессмертны будьте! Я суть этого Чатранга до сего дня не раскрыл по той причине, чтобы и Вы и все, кто в Эраншахре, узнали, что среди мужей Эраншахра ученейший — я. Суть этого Чатранга я легко раскрою и налог и подать с Девсарма взыщу. И еще нечто другое сделаю, что пошлю Девсарму, и он сути раскрыть не сможет, и за это вдвойне налог и подать возьму. И пребывайте в уверенности, что Вы достойны шаханшахства, и что Ваши ученые таковых Девсарма учение».

Шаханшах трижды сказал: «Слава Важургмихру, нашему изобретателю доски». И он двенадцать тысяч дирамов Важургмихру дать приказал.

На другой день Важургмихр потребовал к себе изобретателя доски, сказал: «Девсарм суть этого Чатранга уподобил боевому строю. И он уподобил его двум державам: Царь подобен... направо и налево, фражин подобен начальнику боевых колесниц, и конь подобен начальнику конницы, и пешие подобны всей той пехоте, которая в переднем строю».

После этого изобретатель доски расставил Чатранг и с Важургмихром играл, и Важургмихр двенадцать партий у изобретателя доски выиграл. Поэтому большая радость всю страну посетила.

Затем изобретатель доски встал, и он сказал: «Бессмертны будьте! Бог Вам такую мудрость и великопие и могущество и победоносность дал. Вы — владыка

Эрана и не-Эрана. Сколько ученых Индии эту игру Чатранг с большим трудом и усердием создали, сюда при-слали, расставили, и никто раскрыть ее в состоянии не был. Важургмихр Ваш, по прирожденной мудрости своей, так легко и быстро раскрыл ее, и он столько богатств к сокровищнице шаханшаха прибавил».

Шаханшах на другой день Важургмихра к себе призвал и Важургмихру сказал: — О наш Важургмихр, что это за вещь, о которой ты мне сказал «Сделаю и Девсарму пошлю»?

Важургмихр сказал: «Из владык этого тысячелетия Арташир был самым действенным и мудрым, и я составил игру Неварташир, по имени Арташира. Доску Неварташира я уподобляю земле Спандармад; и тридцать камней я уподобляю тридцати дням и ночам, пятнадцать белых уподобляю дню и пятнадцать черных уподобляю ночи. Каждую кость (*кардана*) уподобляю движению звезд и движению небосвода.

«Один на кости уподобляю тому, как един Ормазд (все благое он сотворил). Два уподобляю небу и земле. Три уподобляю первой сфере, второй сфере, третьей сфере, и мышлению, и речи, и действию. Четыре уподобляю четырем темпераментам, которые в человеке, как четырем странам света: востоку, и западу, и югу, и северу. Пять уподобляю пяти свети-щим, как солнцу и луна, и звезда, и огонь и сияние, идущее с неба, и пяти временам дня и ночи. Шесть уподобляю созданию творения в шесть времен Гасанбара.

«Расстановку Неварташира на доске уподобляю тому как господь Ормазд каждое творение во вселенной дал.

«Движение камней туда и сюда, (направляемое) костью уподобляю тому, как дух людей на земле связан со светилами, которые по семи в двенадцати (созвездиях) постоянно вращаются и пребывают, и когда наступает пора, один другого поражают и вытесняют, как люди на земле один другого поражают и вытесняют.

«И когда движением костей все вытесняются, то это как люди, которые все с лица земли должны уйти, и когда их (камни) вторично ставят, то это — как люди, которые при воскресении все опять живыми делаются».

Когда шаханшах услышал эти слова, обрадовался и приказал двенадцать тысяч арабских коней одной масти, украшенных золотом и жемчугом, и двенадцать тысяч избранных юношей Эраншахра, и двенадцать тысяч доспехов с восемью пряжками, и двенадцать тысяч мечей булатных узорчатых индийских, и двенадцать тысяч поясов с семью камнями, и остальное все, что для двенадцати тысяч людей и коней потребно, все наилучшим образом заготовить. И Важургмихра Бохтака над ними предводителем сделал. И в избранное время, в добром здравии и с помощью бога прибыл он в Индию.

Когда Девсарм, великий царь индийцев, этого рода (игру) увидел, у Важургмихра Бохтака сорок дней

сроку потребовал. Никого не было среди ученых Индии, кто бы суть этого Неварташира познал. Важургмихр столько налога и подати с Девсарма вторично взыскал и в прекрасном здравии и с большой пышностью обратно в Эраншахр прибыл.

Раскрытие сути Чатранга в том, чтобы — в соответствии с тем, как было сказано мудрецами: «победу разумом одерживают» — оружие разума было осознано как главное.

Правила Чатранга таковы. Внимание и стремление к сохранению своих фигур. Великое стремление к возможности взять фигуру другого. В надежде на возможность взять фигуру другого — не вести дурной игры. Всегда одну фигуру для хода игры в запасе держать. С ясной мыслью следить за игрой, чтобы таким образом постоянно было движение вперед.

О ШАТРАНГЕ И НАРДЕ

ОТРЫВОК ИЗ ШАХНАМЭ

Перевод с персидского

6. Изготовление наряда. Миниатюра.

РАССКАЗ О ШАТРАНГЕ

О посылке индийским раджою Шатранга Нушин-Ревану.

Так говорит побед.

Однажды шах украсил свой чертог румийской парчою и повесил свой венец над престолом из тэка. Тэк сплошь был (инкрустирован) слоновой костью, и слоновая кость была (выложена) тэком. Круг луны — что чертог шаха. Весь дворец от края до края полон витязями. Весь чертог полон мобедями и марзпанами из Балха, Бами и со всех границ. Шах мира получил весть от своих бдительных дозорных, что прибыл посол шаха индийского со слонами, шатром и синдскими всадниками, с ним тысяча навьюченных верблюдов, и он ищет доступа к царю.

Услышав эту весть, бдительный царь для встречи выслал несколько витязей. Явился пред лицо великого царя посол славного и могущественного (раджи), по обычаю вельмож отвесил ему поклон и воздал славу создателю мира. Разложил перед ним дары: в изобилии драгоценные камни, и с ними шатер, и слон, и серьги; индийский шатер был укра-

шен золотом и усыпан различными драгоценными камнями. Он раскрыл во дворце свои выюки и поднес все шаху. В выюках было много серебра и золота, тут и мушк, тут и амбра, и свежее алоэ, тут и яхонты и алмазы и индийские клинки, все клинки индийские сплошь в узорах. Сюда было принесено решительно все, что производят Каннудж и Маи. Разложили все это перед престолом, и вождь с победной судьбою бросил взгляд на то, что доставлено ему работами раджи. И все это Хосров отправил в сокровищницу.

Затем доставил посол письмо, написанное на шелку индийским раджою Нушин-Ревану.

Он представил и доску шатранга, сделанную с тщанием. (Целая) сокровищница была опустошена ради шатранга.

Так передал он по-индийски поручение раджи:

«Пока будет существовать небосвод, да пребудешь и ты! Повели тем, кто больше заботы отдали науке, поставить перед собою доску шатранга и всячески мысли приложить и эту прекрасную игру раскрыть. Пусть опознают все фигуры по имени, и каков путь их движения, и где их место. Пусть опознают пешинца и слона, и витязя, и руха, и коня, и ход ферзина и шаха. Если эту прекрасную игру раскроют, они превзойдут всех мудрецов, и мы подать и налог, какой прикажет дарь, с радостью пошлем ко двору. А если прославленные среди иранского народа ока-

жутся не в силах познать это, то, поскольку они не выдерживают сравнения с нашим знанием, впредь не требуйте налога и подати, а вы представляйте налог нам, ибо знание есть лучшее из того, что приносит славу».

Хосров сердце и слух отдал говорившему, а тот изложил порученную ему речь.

Около шаха поставили шатранг, и он некоторое время взирал на фигуры. На этой доске одни фигуры были из слоновой кости, полноцветные, другие фигуры были из тэка.

И спросил его шах с недремлющим счастьем относительно образа этих фигур и прекрасной доски.

И так дал ответ: «О царь, (здесь) все образы и пути — от войны. Ты увидишь, когда раскроешь путь этой игры, и ход и мысль и снаряжение боя».

На это ответил: «Требую времени одну неделю, с сияющей душой мы будем играть на восьмой день».

Прекрасный покой приготовили и послу предоставили для пребывания. Вельможи и советники, победы все приблизились к шаху, затем поставили доску шатранга перед собой, и каждый смотрел на нее с большим вниманием. Они искали и всячески устраивали и всеми способами играли один с другим. Один говорил и спрашивал, другой слушал. Никто не выявил хода игры. Все ушли с нахмуренными лицами.

Явился к шаху Бузургмихр, увидел его раздраженным и удрученным. Но ему был виден конец и исход этой задачи. Так он сказал Хосрову: «О падишах, миродержец, бдительный, справедливый в своих приказах. Эту прекрасную игру я раскрою, разумею возьму себе в путеводители».

Шах сказал: «Это дело на тебя возлагается. Твой дух пусть будет ясен, и прям твой стан. А то скажет раджа Каннуджа: „Ни одного мужа совета нет у шаха“. И будет это большим позором для мобедов, для двора, для престола и для мудрецов».

Бузургмихр принес шатранг, сел полный раздумья и напряг мысль. Он так и этак искал хода игры, он искал, где место каждой фигуры. В один день и в одну ночь он нашел смысл игры, поспешил из своего дворца к шаху Ирана. Сказал он ему: «О шах с победным счастьем! Я рассмотрел эти благоухающие фигуры и доску. Вся игра прекрасно стала на место, благодаря высокому счастью государя мира. Вызови к себе посла раджи и всех желающих видеть. Пусть будет шаханшах первым, кто увидит игру. Это в точности поле битвы — скажет бы ты».

Его словам обрадовался царь, назвал его удачливым и обладателем счастья. Он повелел явиться мобедов и вельможам с именитыми мудрецами. Он призвал к себе посла раджи, усадил его перед своим славным престолом.

Ему сказал слово Бузургмихр: «О мобед раджи с солнечным ликом, об этих фигурах, что сказала тебе шах? Пусть тебе всегда сопутствует разум!»

Так дал ответ: «Осеяемый счастьем раджа, когда я отправлялся от места его присутствия, мне сказал: «Эти фигуры из слоновой кости и така отнеси к трону обладателя венца, и скажи ему: «Поставь их перед созванными на собрание мобедов-советниками. Если они раскроют, как надлежит, эту прекрасную игру и укажут ход игры, мы пошлем тебе кошечек, и рабов, и налогу, и подати — насколько хватит у нас силы. Знанием бывает славен дарь, не сокровищами, не людьми и не высоким престолом. А если шах и его советники не раскроют ее и если нет у них ясного суждения, пусть уж не требует от нас налога и сокровищ. Неудача и забота посетят его мудрую душу. Когда он увидит наш ум и острую мысль, нам он пошлет еще больше».

К трону этого осеяемого счастьем шаха (Бузургмихр) принес и поставил шатранг и доску. Так сказал мобедов и вельможам: «О вы, с ясным сердцем и славные умом, всячески прислушайтесь к его словам и мыслям его мудрого государя».

Мудрец устроил некое поле битвы, в глубине уготовил место шаху, налево и направо расположил ряды витязей и впереди — жаждущих битвы пехотинцев, об руку шаха — мудрого дастура, указывающего пути в битве; расставил по обе стороны бое-

вых слонов, равно обративших взор к битве; далее стояли боевые кони с сидящими на них двумя обладателями чистых мыслей; затем поставил с двух сторон непоседливых рухов, вправо и влево ищущих битвы.

Когда Бузургмихр эти войска расставил, все собрание застыло в удивлении. Скорбь охватила индийского посла, и он пребывал в изумлении перед этим мужем с бдительным счастьем. В сердце своем, погруженный в раздумье, он говорил: «Он никогда не видал этой доски шатранга и не слышал о ней от осведомленных индийцев. И я ничего не говорил о деле этих фигур, и я не подготовлял этой его речи. Как он постиг это? Никто на свете не мог бы занять его место».

Хосров так обошелся с Бузургмихром, что ты бы сказал — к нему обернулось колесо счастья. Его сердце исполнилось радости и обласкал его, самую почетную одежду он ему пожаловал. Затем царь велел, чтобы чашу наполнили царственными драгоценными камнями; он дал ему кошель динаров и дал ему коня с седлом, и воздал ему великую славу.

Устроение Бузургмихром нарда и посылка его Нуширваном в Индию

Ученый муж отправился в свой дом и положил перед собою доску и циркуль. Он глубоко погру-

зился в размышления и от этих размышлений сердце его обратилось в чашу. Он высмотрел себе место потемнее, так как от этого тоньше становится мысль. О шатранге и индийской мысли он думал, души своей заботу он умножил. Разум и светлое сердце создали эту игру. Чарами и размышлением он сотворил нард. Он велел сделать два кубика из слоновой кости, и на кости были метки цвета тэка. Он устроил некое поле битвы, как в шатранге; расставив два войска для боя, он распределил их в восьми разделах. Они были готовы к бою и к приступу на город. Земля была черная, а поле битвы — четырехугольное. Два шаха могущественных и милостивых, которые двигались оба вместе и один от другого не испытывали обиды; под их велением войска, ищущие битвы, были расположены с двух сторон на краях. Всюду блуждая перед войском, два шаха двигались по этому полю битвы. То один, то другой брал верх, то в бою на горе, то в бою на равнине. Когда двое имеют только «один» — войско несет поражение. Таким образом пока одного не постигнет поражение, войска с двух сторон пребывали в сборе.

Так, как я сказал, он устроил нард. К шаху отправился и всё от начала до конца ему изложил; о мощи царей и битве между войсками рассказал, и показал подробно шаху.

От этого сердце шаха Ирана стало взволнованным, разум в размышления он погрузил. Движениям

царей, полных великодушия, было от него то осуждение, то похвала.

Затем сказал: «О муж с светлой душой, пребывай юным, и юной да будет твоя судьба».

Он приказал, чтобы сарбан две тысячи верблюдов доставил царю. Из подати, которая получена от Рума, и Чина, и Хейтала, и Мекрана, и Иранской земли, и из сокровищ шаханшаха составил вьюки, и караван отправился от царского двора. Когда вьюки верблюдов были устроены, а сердце шаха было облегчено от этого дела, посла раджи к себе призвал и произнес пространную речь о мудрости, написал письмо к радже, полное мудрости, радости и смысла и мыслей.

В начале письма он воздал великую славу богу, убежищу от яростного дэва. Затем он говорил: «О, славный шах Индии, (правлящий) от реки Каннуджа и до Синда; твой рассудительный посол прибыл с шатром и слонами и со свитой, а также с доской шатранга. Поручение раджи мы выслушали и его повеление выполнено. Мы просили сроку от индийского мудреца, мы укрепили душу мудростью. Весьма мудрый мобед, обладающий благими мыслями, исследовал и раскрыл игру. Ныне этот мудрый мобед доставит в Каннудж высокому радже две тысячи верблюдов с тяжелыми вьюками вещей, достойных принятия на память. Я посылаю взамен шатранга нард. Кто примет бой в этой игре? Должно быть (у раджи) много

7. Производство игровых костей. Миниатюра.

брахманов с светлыми мыслями, которые по своей мудрости эту игру раскроют. То, что поручено заботам посла, раджа Индии пусть отправит в сокровищницу. Но, если раджа и его советники попытаются, и игра не будет раскрыта, то пусть раджа Каннуджа, согласно условию, нагрузит такое же количество верблюдов, и пусть отправит нам эти выюки вместе с нашими выюками. Таковы наши условия и уговор».

Когда солнце засияло на небе, отправился Бузургмихр от присутствия шаха вместе с выюками, письмом и доскою нарда. Сердце его полно спором о чести и (мыслями) о бое. Брахман с радостью стал ему проводником из Ирана к радже. И прибыл он к престолу раджи и увидел его лик, диадему и богатство его, пространно приветствовал его по-пехлевийски, а затем передал ему письмо Хосрова, поручение царя ему изложил. Лицо раджи Индии как роза расцвело. Проводник (?) изложил все, что получилось с игрой шатранга, (предметом) забот раджи. Как, только раз взглянув, мудрый муж стал говорить об игре и фигурах и мыслях шаха, и о тех мобедах-советниках, и как тотчас же он изобрел нард.

«Теперь в письме все, что упомянуто, прочтите и душу не отвращайте от справедливости».

От его слов лицо раджи стало желтым, когда он слышал сказанное о шатранге и нарде.

Явился один именитый вельможа и отвел соответственное помещение послу. Приготовили пиршественный покой, потребовали вина и музыки и певцов. Потребовал именитый муж от него (Бузургмихра) семь дней времени и отправился.

Созвал на собрание всех, кто был из прославленных мудрецов — со всей страны, дебиров и выдающихся мужей, и представил им нard. Самые острые из этих прославленных, молодых и старых, в течение недели всячески искали путей игры в нard, в состязании ища славы, чести и боя. На восьмой день так сказал мобед радже: «Никто в этом ничего не понимает, разум не вступит в дружбу с вельможами, чтобы из этих камней вывести игру».

Сердце раджи стало удрученным из-за этих мобедов, душа его наполнилась печалью, а чело покрылось морщинами.

На девятый день пришел Бузургмихр с сердцем полным нетерпения и с лицом полным морщин. «Мешкать здесь нам не велено, — как бы не стало стесненным сердце шаха».

Ученые вельможи отступили в сторону, признались в своем невежестве.

Когда это услышал Бузургмихр, он сел, все вельможи обратили к нему лица. Он поставил перед ними доску нарда и сообщил о движении всех камней,

показал им вожда, и боевые войска, все приготовления к битве и повеления шаха.

Изумились раджа и советники, собрание славнейших в стране. Все вельможи воздали ему славу, и провозгласили его мобедом чистой веры. Раджа расспросил его о всей науке — на всё поодиночке ответ был дан. Раздался крик мудрецов, искателей знания и ученых: «Вот муж красноречивый и сведущий не только в игре, в шатранге и в нarde!»

Привел (раджа) тогда две тысячи верблюдов, нагрузил на них подати Каннуджа, алоэ, и амбру и камфр, и золото, также одежды, а также жемчуг и драгоценные камни, и с податью за один год отправил все от своего двора к престолу шаха. Раджа потребовал из сокровищницы диадемы и свое полное одеяние с головы до ног дал Бузургмихру и еще раз воздал ему хвалу. И его друзьям много чего подарил.

Затем две тысячи верблюдов вывел вперед, с податью и дарами ему вверил. Это был караван, какого до тех пор никто не видывал, и не бывало богатства больше, чем это. Бузургмихр выехал из Каннуджа с головой, поднятой к вращающемуся небосводу, с сердцем, радующимся письму индийского шаха, написанному индийскими письменами на шелку.

«Раджа и вельможи заявляют: они, не ради боязни и страха, полагают, что никто не видал другого такого, как шах Нушин Реван, а также никто никогда не слышал и от мобедов. И нет никого учение его

дастур, само небо — хранитель сокровищницы его знания. Отправлена подать за один год вперед, а если ты желаешь больше, то пошлем и больше. А также относительно игры: какое условие мы заключили — все, что надлежало, тебе отправлено».

Когда к шаху пришла весть относительно мудреца, что он прибыл из путешествия с успехом и радостью, то при этой вести радостным стал шах; повелел, чтобы все, кто был именитый из города и войска, приготовились; вельможи без числа вышли навстречу; в город он прибыл с почестями, как с победой высокий царь.

Когда он прибыл во дворец к престолу, царь воздал ему великую славу. Миродержец шах прижал его к груди, расспросил относительно раджи и относительно трудности пути. Рассказал Бузургмихр о том, что произошло, рассказал о бдительном счастье и милости небес. Затем то письмо раджи с победным счастьем принес и представил и положил перед престолом. Повелел (шах) дапиру Яздигерду и тот явился к шаху, стремящемуся к знанию. Когда он прочел это письмо индийского раджи, все собрание застыло в изумлении, и перед ученостью и мыслью Бузургмихра и перед счастьем вождя с солнечным ликом.

Так сказал царь: «Благодарение богу, что ты мудр и благочестив! Вельможи — рабы моего венца и моего престола, их сердца и души преисполнены любовью ко мне».

Хвала владыке солнца и луны, ибо от него победа, от него мастерство. Повесть, еще изумительнее, чем рассказ о Бузургмихре, которому небеса даровали столько мудрости, я сложил и отдал — о Талханде и о шатранге рассказ.

ПОВЕСТЬ О ГАВЕ И ТАЛХАНДЕ

[Жили в Индии два царевича, Гав и Талханд, единоутробные братья. Когда мальчики подросли, каждый из них горел желанием завладеть престолом, да и вся страна разделилась на два лагеря. Царица одинаково любила своих сыновей и не знала кому отдать предпочтение. Созван был совет знатнейших, который обсуждал вопрос и день и ночь, но поровну разделились голоса.

После горячего спора о старшинстве каждый из братьев стал готовиться к войне и собирать войско.

Неоднократные попытки Гава склонить брата к мирному разрешению спора не привели ни к чему.

Начались приготовления к бою. Между двумя станами был выкопан ров. Когда солнце взошло, каждый из царевичей, стоя рядом с наставником, обратился с боевым призывом к своему войску. Начался бой. Талханда постигло поражение. Будучи пощажен в бою Гавом, он удалился в Марг и стал стягивать туда сохранивших верность воинов.

Окрепнув, он послал к Гаву гонца с новым вызовом. По совету наставника Гав снова пытался склонить брата к миру. Последовал отказ. Братья стянули свои войска к морю, окружили их глубоким рвом, наполненным водою. Начался кровопролитный бой, из которого никто не мог бы спастись бегством.

Во время боя Талханд, сидевший на слоне, видя море крови вокруг себя, страдая от зноя, жажды и голода, потерял сознание и умер на своем золотом седле. Гав, потеряв из виду знамя Талханда, послал искать брата. Узнав о его смерти, он спешился со слона и, горько рыдая, отыскал брата. Он убедился в том, что на теле его не было ни одной раны.

Царица не спала и не ела, пока длился бой. Узнав о смерти сына, она предалась отчаянию, горько упрекая Гава в убийстве брата. Гав старался утешить мать: он не поднимал руки на брата, если же она не хочет ему поверить, — он предаст свое тело сожжению.

Мать потребовала, чтобы ей показали, как случилось, что Талханд умер без ран, сидя на слоне].

Создание игры Шатранг для матери Талханда

Гав разослал всадников во все стороны, всюду, где только был хоть один выдающийся мобед. Они все прибыли ко дворцу шаха, прибыли к этому прославленному двору.

Миродержец воссел с индийцами, знатными, учеными, с теми, кто обладал ясным умом. Наставник описал то поле битвы, и как шел бой шахов и воинов. Каждый говорил с этим мудрецом о реке, и о рве, и о запруде. Всю ночь никто из них не спал, и не смыкали они уст.

Когда с площади донесся шум литавров, эти выдавшие мир (мужи) потребовали эбен, из него двое мужей сделали четырехугольную доску, драгоценную и блистательную, изображающую тот ров и поле битвы, с расставленным на ней лицом к лицу войском.

На той доске нарисованы были сто клеток, (на ней) передвигались войска и цари. Затем два войска из така и слоновой кости и два царя с поднятой головой, с венцами и в сиянии, пехота на виду конница за нею — образовали два строя в боевом порядке. И коней и слонов и царских дастуров, храбрецов, которые гонят коня против (вражеского) войска — все изображения были сделаны. Они вступали в бой, один — стремительно и в горячности, другой — медленно.

Шах был поставлен в середине войска, об руку с ним преданный наставник. Около царя с двух сторон — два слона, — от слонов поднималась пыль, цветом подобная Нилу. Два верблюда около слонов были поставлены, и на них сидели двое с чистыми мыслями. Рядом с верблюдами два коня и два мужа, ищущие горячего места в день битвы. По обе стороны обоих строев стояли два воинственных руха, с пеной от крови печени на губах.

Пехотинец передвигается спереди и сзади, так как он был в бою в помощь; и когда он достигал края поля битвы, то располагался об руку с шахом как наставник. Точно также наставник не мог передвигаться во время боя более чем на одну клетку впереди шаха. Слон с поднятой головой проходил три клетки, он озирает все поле битвы на две мили. Верблюд точно так же передвигался на три клетки по полю битвы, задыхаясь и храпя. Точно так же

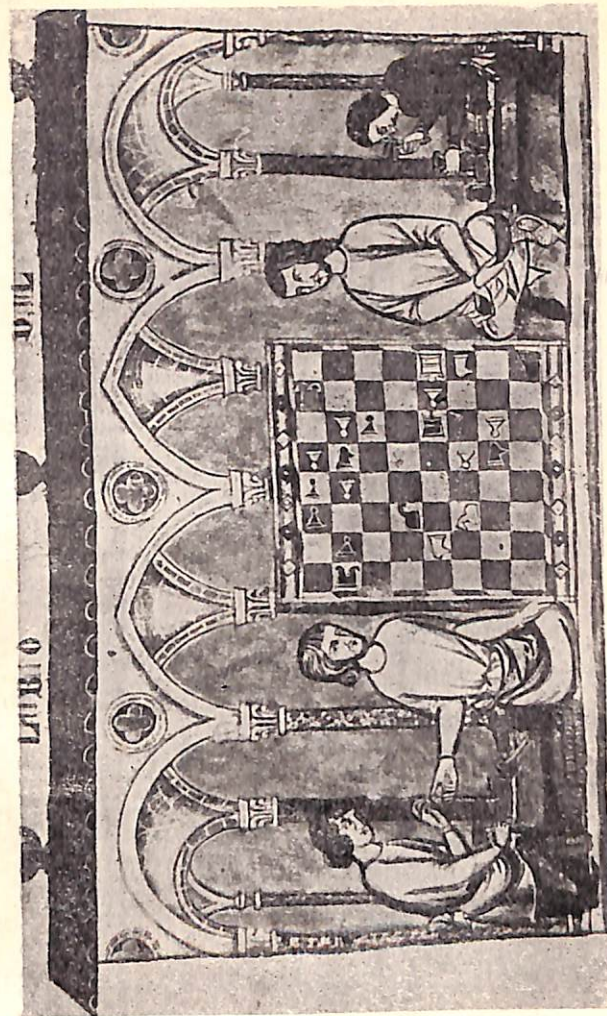
ход коня был на три клетки, и при его движении одна клетка была не по пути. Никто не шел против мстительного руха, всегда он нападал по всему полю битвы.

Каждый всегда передвигался по своему ристалищу, никто в движении не делал меньше или больше.

Когда кто-либо видел в бою шаха, громким голосом восклицал: «О шах, берегись». Шах из своей клетки уходил, пока не попадал в затруднительное положение.

А затем закрыли путь шаху — рух, и конь, и ферзин, и слон, и воин. Он оглянулся вокруг, на все четыре стороны, увидел (своих) воинов поверженными, со сдвинутыми бровями. Путь к воде и рву прегражден. Войска (врага) — и сзади, и спереди, и слева, и справа. От усталости и жажды шах умер (*шах мат*), согласно веления вращающегося колеса судьбы.

Гав, этот шах благородный и милостивый, был в восхищении от Талхандова шатранга. Мать взирала на игру с сердцем, полным крови от горя по шаху Талханду. Она сидела ночь и день, полная горя и гнева, вперив очи в шатранг, все ее стремления и мысли были направлены на шатранг. Душа ее была полна скорби по Талханду. Постоянно она пролиwała кровавые слезы, и в этом горе шатранг был ей делителем. Так она пребывала без пищи и без движения, пока не пришла ее пора.

8. Игра в серебряных дел мастерской. Миниатюра.

Таково положеніе делъ въ мирѣ: то скорбнымъ бываешь, то — радостнымъ.

Къ концу пришла эта повесть, какъ я ее слышалъ въ рассказахъ на досуге.

Осталась лишь доска шатранга въ память людямъ отъ тѣхъ временъ.

**О КНИГЕ ИГР
КОРОЛЯ АЛЬФОНСА МУДРОГО**

написанной в 1283 году в Севилье

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИСПАНСКОЙ КНИГИ ИГР

Было бы ошибкой думать, что шахматы в своем движении с Востока на Запад в общем русле мощного потока, катившегося волна за волной и несшего бесконечно многообразные формы культурного воздействия, достигали Европы и европейских островов лишь в виде расчерченной доски и набора фигур. Было бы ошибкой думать, что шахматная терминология, внедрившаяся в большей или меньшей мере во все европейские языки (в своих исконных или стершихся, видоизмененных «народно-осмысленных» формах) занесена была в европейские страны лишь живою речью.

Вместе с шахматами, быть может даже не всегда сопровождая подлинный набор фигур, шла та своеобразная шахматная литература, которая уже в первые века после создания этой игры насчитывала не один десяток названий на различных восточных языках, и не только поэтических (прозаических или стихотворных) легенд и преданий о создании игры (приводимые в этой книжке два рассказа не исчер-

пывают того, что создали легенда и художественное творчество Востока в изложении истории шахмат), но и руководств, наставлений к этой игре и трактатов, включающих в себя многообразные вопросы, связанные с шахматами, в частности — богатую шахматную проблематику.

До сих пор еще, несмотря на колоссальное развитие шахматной литературы, несмотря на наличие целого ряда руководств и такого почтенного труда, как книга Муггау, этот восточный материал еще не был ни разу сведен, не говоря уже о том, что не все тексты изданы и истолкованы. Далеко еще нет уверенности, что в различных хранилищах не погребено еще много невыявленного материала.

Зачастую бесспорность восточного происхождения той или иной литературной традиции по шахматам может и должна быть доказана и без предъявления подлинника на восточном языке. Зачастую, как это всегда бывает в литературной и художественной традиции, тот или иной памятник, созданный в совершенно определенное время, в точно определенном месте, в той или иной из европейских стран, в самом себе содержит неопровержимые доказательства своей переводности, подражательности, повторения в изложении или в художественном воплощении занесенных в чуждую по племени или народности, но близкую по уровню общественного развития,

среду форм и тем, выношенных и впервые воплощенных в далеких странах Востока.

Это положение, вообще едва ли нуждающееся в расширенном обосновании, может быть пояснено, в том, что касается шахмат, изумительно ярким примером, ценность которого так же далеко выходит за пределы круга интересов шахматистов, как далеко отстоят пределы распространения шахматной игры от их родины, Индии, и второй родины — Ирана. Мы имеем в виду памятник исключительного историко-культурного значения — хранящуюся в Эскурнале знаменитую рукопись трактата о настольных играх, написанную в 1283 году в Севилье по повелению кастильского короля Альфонса Мудрого.

Рукопись эта, даже если бы ничего не было известно о тех мероприятиях в области обогащения кастильской литературы во второй половине XIII века, которые связаны с именем Альфонса X, могла бы раскрыть интереснейшую картину путей и способов проникновения в европейский обиход целого ряда характерных восточных черт.

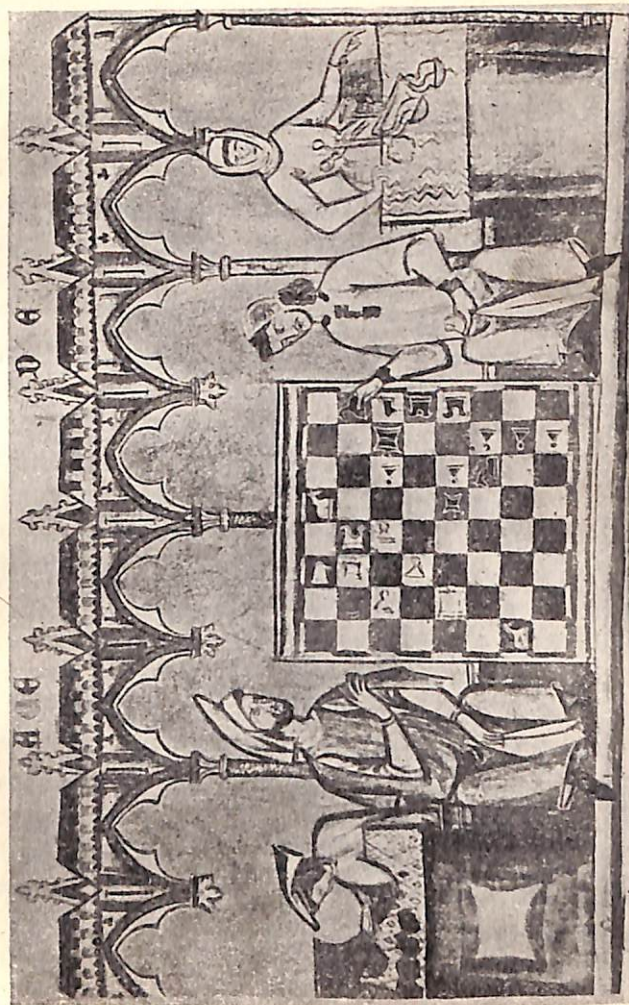
Трактат этот был написан и с исключительным богатством иллюстрирован в те дни, когда в результате непосильной борьбы с мощным движением крупных кастильских феодалов против мер к централизации власти и к ликвидации крупного землевладения, в обстановке назревшего протеста эксплуатируемых масс, изнемогавших под бременем значи-

тельно усилившихся поборов, Альфонс Мудрый, обессилив в борьбе с ближайшим своим окружением, низложенный кортесами, нашел себе пристанище в Севилье, одном из самых замечательных центров арабской культуры на Западе, в прошлом — одном из самых сильных центров арабского господства в Испании.

Облик Альфонса Мудрого, по крайней мере такой, каким он рисуется в исторической традиции, дает основание думать, что Севилья была избрана им не только по политическим мотивам.

Есть любопытные совпадения в характере и влечениях Альфонса и в создававшейся им вокруг себя среде со всем, что известно о Хосрове Аношроване, однако же с тем отличием, что Альфонс выступает не только в роли мецената, покровителя наук и искусств вообще, но и в роли организатора и участника конкретной научной работы, обессмертившей имя Альфонса, за тридцать лет до его политического крушения, составлением знаменитых астрономических таблиц.

Из многообразных мероприятий Альфонса по обогащению кастильской литературы для нас, естественно, особенно интересны те, которые теснейшим образом связаны с Востоком, и в их ряду на первом месте стоят заказанные им переводы с восточных языков, притом не только перевод Библии с еврейского на кастильский, но и перевод сборников басен

9. Игра в лавке торговца тканями. Миниатюра.

с арабского, перевод с арабского же и других литературных произведений.

Да и могли ли первые шаги создания литературы на кастильском языке не быть отмечены этими переводами с арабского?

Вопрос не только в том, что территориальное и политическое развитие Кастилии, Леона и других христианских королевств Пиренейского полуострова шло за счет территориального утеснения и политического принижения мавританских мусульманских государств Альморавидов и Альмохадов, что вся страна в течение ряда веков под политическим господством несравненно более культурной и развитой среды арабов проникалась высокой культурой этих пришельцев с Востока: за какиенибудь полстолетия до начала политической деятельности Альфонса, вошедшего в историю с редкими для монарха эпитетами Мудрого, Философа, Астронома, — испанская арабская среда, даже под властью наводнивших бывшие владения халифата мавров альмохадов, блистала именами таких философов и ученых, как Ибн-Туфейль, Маймонид и Ибн-Рошд, при всех его отступлениях от чистоты учения Аристотеля сыгравший исключительно большую роль в ознакомлении европейцев с трудами и философской системой величайшего из античных мыслителей. В какой стране европейского материка в течение долгого периода не звучало хотя бы в искаженной форме — Авер-

роэс — имя Ибн-Рошда, безразлично, принималась ли его система, или же ее последователи подвергались тем злключениям, которые испытал на себе в 1277 г. парижский профессор Зигер? В какой из европейских стран не пользовалось авторитетом имя Авиценны (т. е. Ибн-Сина), на медицинских трактатах которого учились врачи, находя в них многое такое, что они могли бы познать, и не прибегая к переводам с арабского, если бы написанное по-гречески все еще не признавалось в Европе не читаемым.

В этой связи приходится рассматривать и созданные интересующего нас сейчас трактата о шахматах.

Простая ли случайность, что создание этого трактата идет в ногу с переводом сборника басен, как известно, в обиходе феодального общества и на Западе и особенно на Востоке игравших значительно более широкую и многообразную роль, чем в близком нам по времени европейском и русском обиходе? Ведь и на Востоке при Хосрове Аношроване проникновению шахмат сопутствует перевод значительнейшего в истории человечества сборника басен «Калила и Димна». Как тут, так и там и замысловатая игра и остроумные правоучительные рассказы, первоначально созданные господами положения и их обслуживавшие, постепенно перерастая классовые интересы феодалов и обогащаясь все новыми элементами, разлились в широчайших народных массах,

когда эксплуатируемые слои взяли в свои руки такое могучее орудие классовой борьбы, как едкая и насыщенная политической остротой басня.

Только углубленное исследование трактата о шахматах и других настольных играх сможет раскрыть сложность его состава, и потому приходится по необходимости говорить пока о «создании», а не переводе, переложении этого памятника.

В предисловии к книге Альфонса мы находим любопытное и по содержанию и по простоте и непосредственности формы изложения объяснение причин, побудивших Альфонса предпринять составление этого обширного трактата.

Отмечая важность и желательность для всех использования разнообразных развлечений в часы отдыха от понесенных трудов, Альфонс, повидному непосредственный автор предисловия, перечисляет те многообразные развлечения, которыми так богата была жизнь феодалов в Испании и в любой другой стране. Это, в сущности — перечень разнообразных видов спорта, как конного (*en cavalgando*) — метание дротика и пики, схватывание на лету пики, ловля коней, стрельба из лука и из арбалета, — так и пешего (*que se ffazen de pie*) — фехтование, борьба, бег, прыжки, метание камня и дротика, игра в мяч.

Естественно, Альфонс не заметил, что перечень этот, во всяком случае, в части конного спорта,

обеспечивал в те времена отдых лишь тем, кто едва ли имел случай утомиться от трудов. Благодушный тон Мудрого Альфонса скрадывает остроту исторического несоответствия.

Отмечая полезность и достоинства всех этих видов развлечений, Альфонс особо подчеркивает значение иных развлечений, иных игр, которые, по его словам, в ряде случаев имеют определенное преимущество перед конным и пешим спортом, — игр настольных, буквально — «в которые играют сидя» (*que se ffazen seyendo*). Они нужны прежде всего потому, что ими можно развлекаться и днем и ночью, а также и «потому, что женщины не могут предаваться конному спорту и замкнуты под своим кровом» (*por que los mugieres que non cavalgan e estan encerrados an ausra testo*), нужные и потому, что спорт недоступен для людей престарелых и немощных. Отмечается даже и то, что настольные игры — единственное развлечение для тех, кто пребывает в темнице или в оковах, или странствует по морю, где исключена возможность каких-либо иных способов заполнения досуга.

«И ради этого мы, дон Альфонс, милостью бога король Кастилии, Толедо, Леона, Галиции, Севильи и Кордовы, Мурсии и Альгарвии, повелели составить эту книгу, в которой мы рассказываем о способах нескольких игр, которые особенно замечательны, как шахматы, кости и нард... Так как шахматы,

являются наиболее благородной, требующей наибольшего мастерства игрой по сравнению с другими, мы о них рассказываем прежде всего». «...Мы стремимся показать различные основания, по которым, как говорят древние мудрецы, были изобретены эти три вида игр, а именно шахматы и кости и нард.

«Как рассказывается в древних историях, — в Великой Индии был царь, который очень любил мудрецов и всегда держал их вокруг себя и побуждал их вести утонченные рассуждения о следствиях, которые рождаются из причин. И среди них были трое, которые вели такие рассуждения. Один говорил, что разум имеет больше силы, чем удача, так как тот, кто живет, руководствуясь разумом (*seso*), действует подобающим образом и если и теряет, то не имеет в том вины, ибо делает то, что подобает. Другой говорил, что удача (*ventura*) имеет больше цены, чем разум, так как тот, кому удача выгадать или потерять, каким бы разумом он ни владел, не сможет высвободиться из этого положения. Третий говорил, что лучшее, что может быть, это располагать тем и другим...

«И тот, который стоял за разум, принес шахматную доску (*acedrex*) с ее фигурами, показывая, что тот, кто будет иметь больше разума и будет со вниманием учиться, сможет победить другого. И второй, который стоял за удачу, принес кости (*dados*), показывая, что ничего не стоит разум по сравнению

с удачей. И третий, который говорил, что лучше располагать и одним и другим, принес нард (tablego) с его шашками, расставленными в порядке в своих клетках, и с ведущими их в игре костями...»

Самое главное в рассуждениях трех мудрецов и в их способах доказательства — это определение характера трех из наиболее распространенных игр: шахмат, как игры, руководимой разумом (seso), костей, как игры, зависящей от удачи (ventura), и нарда, как игры, в которой разум и удача дополняют друг друга.

Трудно сказать, какого царя и каких трех мудрецов имеет в виду книга Альфонса. Но, ведь определение сути шахмат первым мудрецом, в сущности, повторяет замечательную мысль, выраженную в словах пехлевийской «Книги о чатранге», поставленных эпиграфом к нашей книжке: «Раскрытие сути шахмат в том, чтобы в соответствии с тем, как сказано мудрецами: — разумом одерживают победу, — оружие разума было осознано как главное».

ИЗОБРЕТЕНИЕ ШАХМАТ, КОСТЕЙ И НАРДА В МИНИАТЮРАХ

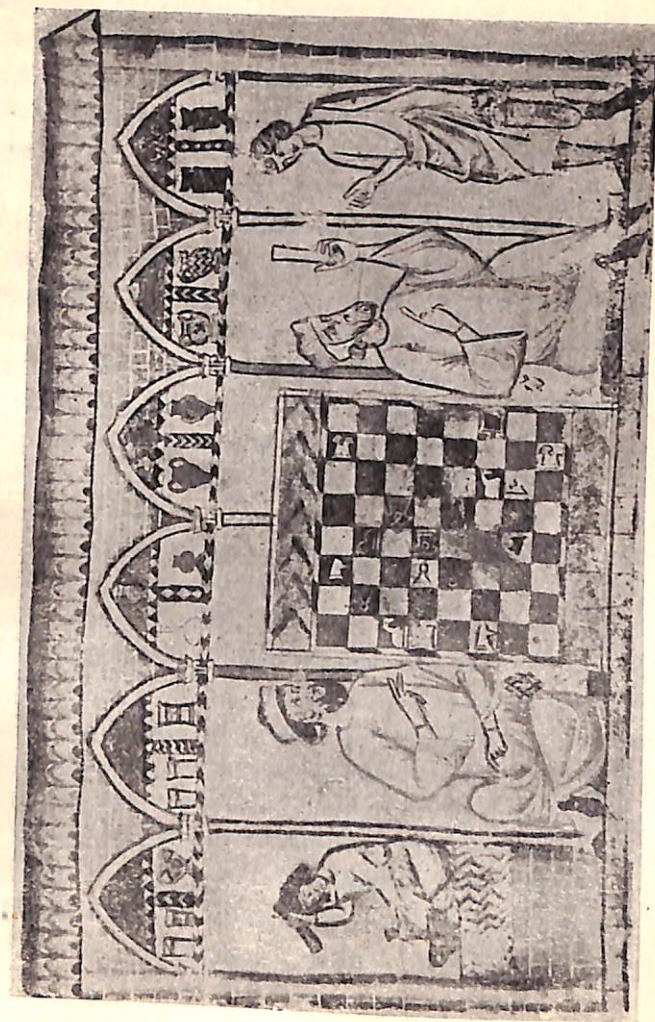
Нам неизвестно, раскрыт ли арабский оригинал кастильского трактата, если он был переведен или пересказан, следуя арабскому подлиннику, раскрыты ли те «древние истории», о которых упоминает сам Альфонс. Но несомненность наличия когда-то такого образца на арабском или быть может ином восточном языке, при этом наличия не только текста, но и богато иллюстрированной рукописи восточного происхождения явствует из десятков тех миниатюр, которыми украшена почти каждая страница рукописи Альфонса Мудрого.

Доступное нам прекрасное фототипическое издание рукописи не передает всего богатства и разнообразия красок этих миниатюр, которые в большинстве случаев являются художественным оформлением шахматной проблемы, предложенной на доске в центре большей части миниатюр. Но манера живописи, состав персонажей, архитектурное обрамление, изображенные тщательно детали обстановки, и самый

подход художника к теме — достаточно ярко раскрывают сборность состава этих иллюстраций.

Речь идет, разумеется, не о том, что в этот фолиант были вшиты листы из разных рукописей, не в этом смысле здесь приходится нам говорить о сборности состава миниатюр. Художники, украшавшие эту рукопись, выросли и сложились несомненно не в одной и той же школе, и каждый из них — а их было не менее трех — внес в свое творение и свой стиль и отражения близкой и знакомой ему среды и обстановки, в одних случаях в процессе создания нового художественного произведения, в других случаях — в процессе, быть может, копирования лежавшего перед глазами образца. Если не предположить, что в ряде миниатюр художник, не ставя перед собой задачи иллюстрации именно данного текста, копировал миниатюры какой-то отличной по содержанию рукописи, то пришлось бы предположить, что художник, не считаясь с содержанием книги или не владея ее языком, включал в круг своих тем и моменты, вовсе не затронутые в книге, но тесно связанные с шахматами, и бесспорно могущие служить иллюстрациями к тексту другого литературного произведения, говорящего об этих играх.

Действительно, рукопись, уделяя место определению и характеристике состава шахматных фигур, их функций и правил игры и ставя ряд шахматных проблем, касается вскользь и вопроса об их восточ-

10. Игра в шахматы. Миниатюра.

ном происхождении, точнее об истории их возникновения в Индии. Первые же миниатюры рукописи могли бы быть приняты за осовремененную в XIII в. иллюстрацию и к описанным в пехлевийской «Книге о чатранге» или в персидском рассказе Фердовси моментам истории шахматной игры.

Разве не Хосров Аношрован восседает на восточном престоле, настоящем тахте, под арками величественного дворца или замка, принимая неоправданное текстом рукописи посольство, разве не окружает обычный для сасанидского царя нимб увенчанную чалмой голову этого властителя (2r)? Даже монограммы, характерные для сасанидских кулахов, показаны художником, хотя бы в искаженном виде, на головных уборах и царя и явившихся к нему послов или мудрецов.

Разве не Хосров Аношрован, восседая на настоящем тахте, внимательно беседует с сидящими на полу тремя мужами, предъявляющими ему шахматную доску, нарды и доску для костей (2v)? Тот же, но более тщательно выписанный нимб сасанидского владыки окружает и здесь голову Хосрова, головной убор которого, как и его приближенных, и тут украшен той же сасанидской монограммой (табл. 3).

Разве не Вазургмихр разыгрывает с изобретателем шахмат одну из своих двенадцати победоносно законченных партий в день торжества мудрецов Ирана над мудрецами индийского раджи, перед лицом Хосрова

Аношрована (табл. 4), который, восседая на кресле со своим скипетром в руке и с неизменным нимбом вокруг головы, живо следит за невиданной игрой, как будто расспрашивая дающих ему объяснения обоих партнеров, игра и речи которых живо захватили и стоящего тут же вельможу (17v)? Лишь телохранитель, опершийся с характерным еще для сасанидского времени сложением рук на свой меч, остается бесстрастным свидетелем оживленной сцены.

Даже выходные миниатюры к «Книге о шахматах» (1r) и к «Книге о нарде» (72r), при всем том что, судя по гербам, — в обоих случаях изображен сам Альфонс Мудрый, по заданию — диктующий правила игры, напрашиваются на истолкование как воспроизведение миниатюр, изображавших неоправданную текстом книги переписку двух царей, живущих в различных странах, знакомую нам по тексту Фердовси, да и по пехлевийской повести.

Одна из этих стран раскрывает свой восточный облик в богатых архитектурных формах дворца; под его арками восседающий на тахте-троне царь (в явно европеизованной и осовремененной короне) диктует грамоту писцу, перо которого покоится в конце (с точки зрения европейца) белой строки, то есть готово начертать письмена от правой руки к левой, в присутствии двух сидящих на полу с характерным сложением ног приближенных (1r). Другая страна встает перед нами в западных формах готической

аркады иного дворца (72r), под сенью которого сидящий, также на возвышении, царь диктует писцу, уже заполнившему белую страницу буквами латинских очертаний, диктует при посредстве, повидимому, толмача, взирающего на царя и в то же время так же как и царь, наставительно указующего пальцем писцу, причем рядом под соседними арками также сидят двое приближенных с иным, но опять-таки характерным для Востока, сложением ног. Было бы удивительно, если бы иначе преломилась в представлении живущего в Испании в XIII веке араба, знающего местную «западную» и «восточную» обстановку, переписка двух царей (из которых один, согласно рассказу Фердовси, вынужден был прибегнуть к помощи толмача), царей, по их временной и пространственной отдаленности, вероятно, представляющихся ему спорящими или мирящимися «царем Востока» и «царем Запада», обычными в сказках Востока.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ШАХМАТ, НАРДА И КОСТЕЙ В МИНИАТЮРАХ

Чрезвычайно ценно в этих миниатюрах изображение производства шахмат, нарда и костей, не нашедшее себе отражения в тексте рукописи Альфонса.

В архитектурном обрамлении (3 г), мало чем отличающемся по богатству от форм дворца, с многочисленными кровлями и башенками, мастер, сидя перед столиком, на котором лежат инструменты, занят вычерчиванием — вернее уже расцвечиванием — шахматной доски. В том же здании токарь вытачивает фигуры, ряд которых, как на выставке, по одному экземпляру каждого образца темного и светлого набора, расставлен на двух полочках над головою мастера. Всякий, кому случалось наблюдать на Востоке характерную согбенность фигуры токаря, и по сей день во многих странах Востока работающего на своем примитивном станке, приперев его босой ногой и приводя его в движение и сегодня еще шипящим и повизгивающим смычком, не может не признать в этой миниатюре изумительного по выразительности изображения (табл. 5).

Производство нарда предстает в обстановке близкой к обстановке изготовления шахмат. Здесь перед нами здание (73г) опять-таки дворцового типа, по архитектуре напоминающее то, в котором трудились мастера, изготавливающие шахматы (табл. 6). Те же три арки, сходные кровли и башенки наверху или в глубине; справа — готовая раскрытая доска с ее 24 гнездами, еще свободными от камней, поле которой оживлено лишь естественным рисунком дерева. Под средней аркой мастер трудится, стругая рубанком прямоугольную доску, несомненно одну из створок складной доски для игры. Форма рубанка и постановка рук могли бы служить ярким свидетельством того, как мало изменились, вернее — вовсе не изменились, строение этого инструмента и приемы пользования им за шесть с половиной веков, истекших с тех пор, как художник выписывал эту миниатюру. Под первой аркой опять склонившаяся фигура токаря, вытачивающего на примитивном станке, очевидно, шашки для нарда. Станок представлен не в перспективной развертке сверху, как на миниатюре с мастером, вытачивающим шахматы, а в профиль. Хорошо видны и вертикальные устои и заостренные держатель и центр, и зажатый ими обтачиваемый деревянный брусок, и смычок, которым мастер заставляет вращаться обтачиваемую болванку. С полной выразительностью показана босая нога с оттопыренным большим пальцем, и лишь опасение показаться

мелочным мешает усмотреть характерную для восточного токаря искаженность и искривленность большого пальца, несущего на себе значительную часть тяжести труда.

Ни та, ни другая миниатюра не имеют себе соответствия в тексте рукописи Альфонса, но зато описанию изготовления первого комплекта если не шахмат, то невардашира или нарда, уделяют достаточно внимания и «Книга о чатранге» и рассказ Фердовси.

С этими спокойными, действенными исключительно в передаче трудового процесса, картинами просится на сравнение миниатюра (65v), писанная другой рукой, другим человеком, из другой школы, из иной среды, — картина, изображающая производство игральные кости (табл. 7).

Без всякого архитектурного обрамления, не в обстановке дворца, а на гладком фоне, изображена большая мастерская, где изготавливаются игральные кости. Пять мастеров, строго разделив между собою производственные процессы, от обделки большого куска кости и до нанесения, с помощью детально и в действии изображенной дрели, меток на готовых кубиках, как будто подсмеиваясь, следят за тем, как женщина, в более богатом одеянии, протягивает кости полуголому мужчине; он их принимает, держа в левой руке, повидимому, монету, к его поясу привязана сумочка, едва ли не для тех же костей. Можно подумать, что пять зрителей забавляются ви-

дом этого потерявшего все, кроме своих коротких штанов, игрока, с растрепанными волосами, с какой-то растерянной скорбью на лице, с резко опущенными углами рта, игрока, который пришел еще покупать более счастливые кости.

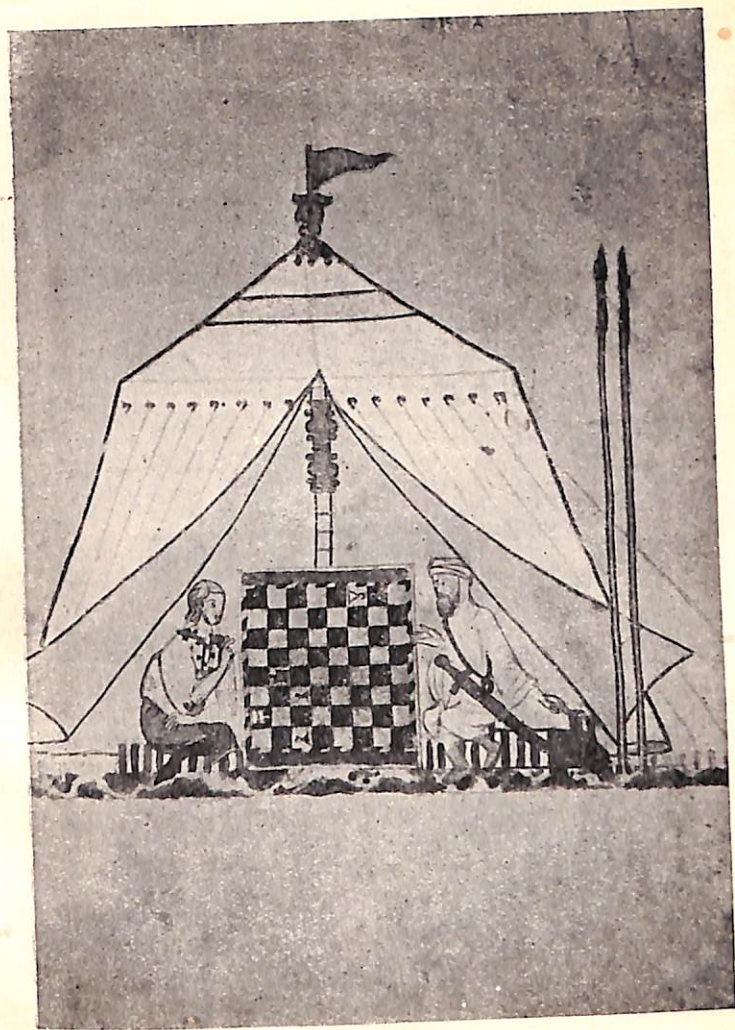
Не имеем ли мы тут плод творчества художников совершенно различной среды: мастера, изображающего производство еще не проникшей в низы шахматной игры в дворцовой мастерской и художника, уловившего обстановку бесспорно массового производства искони распространенной и в низших слоях игры в кости, как известно всегда бывшей и предметом порицания, и предметом насмешек.

Нарды, как и шахматы, если правильно наше толкование, изготавливаются по замыслу художника в дворцовой, а не в рыночной мастерской, как игральные кости. Но замечательно, что, изобразив и столяра, стругающего доску, и токаря, вытачивающего шашки, и готовую уже доску, художник, задавшийся целью представить производственный процесс, не счел нужным, при всей своей обстоятельности изобразить тут же изготовление самой действенной принадлежности этой игры, забыть о которой он не мог, — костей. Можно думать, что в дворцовой мастерской, где изготавливались нарды, не тратили времени на выделку кубиков, так как было проще и дешевле купить их в рыночной мастерской, где они выделывались в массовом порядке

руками пяти мастеров; ведь кубики нарда — те же игральные кости, а процесс дифференциации труда, развиваясь в мастерских, работающих на рынок, не мог не отразиться и в мастерской, работающей на своего заказчика. Но не менее вероятно и иное объяснение — при производстве костей распределение производственных процессов между разными лицами признавалось необходимым.

Заслуживает внимания единственный раз, кроме естественной вступительной формулы, выраженное от первого лица специальное повеление («Мы, король дон Альфонс, повелели...») касательно изготовления костей особого образца, которые должны удовлетворять указанным тут же строгим требованиям. Формулировка этого указания резко отличается от сообщаемых в других частях рукописи сведений о том, как выглядят те или иные шахматные фигуры или как должна быть устроена доска.

Здесь, несомненно, имеется в виду предотвратить изготовление недоброкачественных костей, даже незначительное (особенно же умышленное) искажение формы которых, может, как известно, облегчить уловки недобросовестного игрока. Разделение же производственных процессов, прохождение каждого экземпляра через руки ряда мастеров, в значительной мере предохраняет эти изделия (от качества которых зависит так много в ведущейся исключительно на материальный интерес игре) от возмож-

11. Игра в шатре во время похода. Миниатюра.

ности случайного или от умышленного искажения правильной формы, а тем более от выпуска мошеннических костей, например, залитых свинцом.

Здесь, помимо дешевизны массового производства, может корениться одна из причин, почему мастера, изготавливающие доску нарда и шашки для него, не должны были заниматься выделкой костей.

ОБ ИГРЕ, РУКОВОДИМОЙ РАЗУМОМ

Но как ни интересны все эти моменты в миниатюрах рукописи Альфонса Мудрого, ими далеко не исчерпывается ценность этих миниатюр для истории шахмат и других настольных игр.

Совершенно независимо от представляющих специальный интерес для шахматистов изображений задач, нельзя не оценить той картины бытования шахмат в среде, воспитавшей художников, украшавших рукопись Альфонса, и художников, создавших повторенные испанскими мастерами образцы, той картины широкого и прочного распространения игры в различных общественных слоях (но, несомненно, еще без выхода за пределы круга феодалов и городского сословия), которую развертывают перед нами миниатюры.

Неудивительно, что два короля в мантиях и золотых коронах, восседая в зале под сводами величественного дворца и обвеваемые опахалами, сами лично озабочены тем, чтобы их отпрыски овладели всей тонкостью мудрой игры, и руководят ходами

двух юношей, каждый опекая своего сына, возложив на его плечо руку и наставительно указывая пальцем другой руки на доску (15 г). Ведь игра в шахматы, умение владеть всей сложностью и тонкостью ходов, умение управлять тридцатью двумя фигурами на пространстве двух пядей на две пяди с той же мудростью и искусством, как бесчисленными войсками на необъятном пространстве «от Инда на востоке до Андалусии на западе» — непременное условие воспитания будущего монарха, непременное условие воспитания рыцаря, от Инда на востоке до Андалусии на западе.

Но не только юного витязя украшает владение шахматной игрой, которая от скорбных дней матери Талханда равно была утехой и князя и княгини; и мы видим, как две юные принцессы (16 г) ведут игру, каждая под руководством матери; правда, над ними не громоздятся аркады пышной залы, но такие богатые одеяния и короны на покрытых вуалем головах подобали только королевам.

Шахматы увлекают не только коронованных властителей и их венценосных супругов, не только грозных рыцарей и их прекрасных и нарядных дам. Шахматы заполняют не только их досуг от охоты и турнира, — вся замковая челядь охвачена той же страстью. Между башнями замка два музыканта с различного вида скрипками увлеклись той же игрой (31 v). Два сокольниковых расположились на

покрытой простой полосатой тканью и вышитыми полотенцами тахте поиграть, не отдаляясь от вверенных их попечению соколов, сидящих тут же на жердочке, через которую перекинуты и профессиональные перчатки сокольников; игроки, видимо, не поладили в игре, один из них даже встал (30v).

Но не только же во дворце «оружие мудрости» должно быть осознано как главное». Шахматы уже вышли за стены дворца.

Перед нами лес колонн торговых рядов с гладкой черепичной крышей, под сводами которой мастер в переднике, покинув свою работу, играет в шахматы с гостем, держащим в руках чашу, наполненную из стоящего тут же кувшина (23v); подмастерье за спиной гостя сосредоточенно выколачивает что-то молотком на небольшой наковальне, придерживая ее рукой; другой подмастерье, нуждаясь в указании мастера, отвлек его на минуту от игры, чтобы показать ему свою работу, какое-то небольшое изделие, которое он только что выколотил молотком на своем верстаке (табл. 8). Вся картина могла бы, по композиции и замыслу, быть списанной с натуры в любой восточной мастерской или лавке в наши дни, когда, в зависимости от условий страны и жизни народа, шахматы или нарды развлекают хозяина мастерской и гостя, пока своим чередом идет работа подмастерьев.

Там купец, торгующий тканями, занимает гостя игрой (табл. 9), пока в одном углу выполняется какая-

то работа над тканью, а в другом хозяин в ожидании покупателя, с большими ножницами за поясом, стоит за своим товаром, на котором брошены ручные весы, вероятно, для взвешивания денег, которые придется принимать от ожидаемого покупателя (23r).

Вот двое ученых мужей, врачи или аптекари (31r) усевшись под внушительным рядом различной формы аптечных банок и горшков, занялись было шахматами, пока в стороне ученик усердно толчет в ступе какое-то зелье; но пришлось отвлечься от игры, чтобы с должными наставлениями выдать лекарство юноше, готовому принять сосуд, держа в левой руке глубокую сумочку, в которой он унесет лекарство (табл. 10). И манера держать банку, как будто в последний раз проверяя доброкачественность содержимого, и наставительный вид врача, явно дающего назначение, и заинтересованность и внимание к происходящему партнеру, уже расставившего пальцы чтобы сделать очередной ход, полны выразительности.

Прошли времена, когда шахматы могли служить к развлечению и утехе лишь светских лиц, вернее, когда могли шахматы осуждаться, как нечто вообще греховное, наравне с азартными играми. Вероятно, если бы флорентийский епископ в 1061 г. не вздумал играть в шахматы в таверне, а избрал для этого более подобающее его сану место, то кардиналу Дамиани не пришлось бы в голову поднимать дело и доносить об этом святейшему папе. Ведь шахматы

уже заняли видное место во вкладах феодалов в монастыри, явно не ради борьбы с богомерзкою суетностью.

Перед нами проходит длинный ряд представителей духовенства, увлекающихся этой игрою. Здесь два монаха ного ордена в белых рясах и мантиях под арками готического храма (разумеется, с излюбленной колоннадой) занялись шахматами (25r). Там два монаха (25v) разных орденов под сенью куполов храма отдались тому же занятию. Там шахматами развлекаются два раввина (43r), здесь два иудейских священника (43v), а дальше едва ли не двое мулл (38r) предались тому же занятию, один — поставив около себя стеклянный графин и стакан, другой — примостив у ног характерную раскидную подставку для книг, на которой лежит раскрытая рукопись.

При возможности спрятать набор фигур в мешок (в котором и в древности, а у курдов и в наши дни, принято было их хранить), при возможности легко захватить с собою небольшую доску, или начертить поле на земле, шахматы сопутствуют любителям и за стенами города, в походной обстановке, когда в богатом шатре с вышитой вокруг покрова арабской кufической надписью, с реющим вверху вымпелом и с внушительно висящимися воткнутыми в землю тонкими и стройными пиками, нельзя даже во время игры снять тяжелый меч, в условиях военной обстановки (табл. 11). В шатре сошлись араб, в белоснежном

бурнусе, с тяжелым мечом, висящим и во время игры на ремне через плечо, с его партнером, одежда которого и обнаженная голова открывают нам его европейское происхождение (64r). Быть может им случилось вести эту партию во время одной из тех непрерывных войн между отдельными испанскими королевствами, когда нередко случалось то кастильским, то аррагонским королям призывать на помощь друг против друга, казалось бы, общего врага, — вытесняемых из Италии арабов, когда кастильцы Альфонса Мудрого плечом к плечу с арабами его вассала, эмира Гренады, сражались против аррагонского короля.

Если бы шахматы не требовали большого мастерства, если бы это мастерство не давалось с большим трудом, не было бы надобности в особых трактатах, в сборниках задач, в других пособиях к шахматной игре, наверное не было бы и самой рукописи Альфонса Мудрого. Для того они и писались, чтобы двигать шахматную мысль и помочь шахматисту в трудном случае.

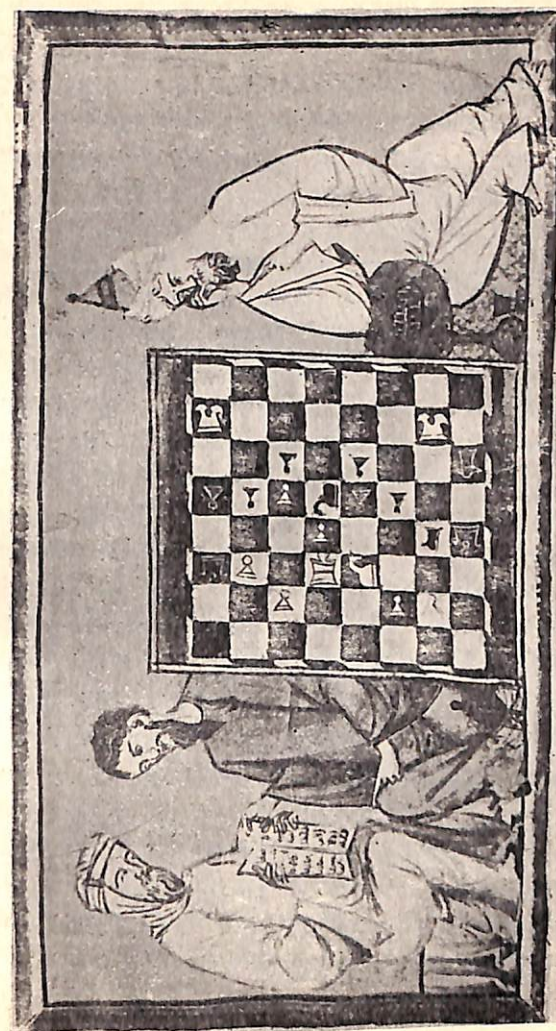
И вот обсуждающие ход игры партнеры прибегают к помощи книги, равно обслуживающей и двух партнеров, сидящих под аркадой какого-то здания, на большой тахте (41v), и партнеров, сидящих на тахте, но в неопределенном помещении (45v).

В обоих случаях рукописи в руках беседующих об игре партнеров раскрыты, и легко убедиться, что

они написаны арабскими буквами. — Это несомненно, руководства или какие-то трактаты о шахматах, хотя здесь и не изображены в чертежах примерные задачи, как та, которая поможет разобраться в трудном положении двум сидящим на такой же большой тахте партнерам, из которых один оживленно говорит, а другой внимательно, водя пальцем по странице, читает арабский текст, написанный под чертежом шахматной доски (61v).

Конечно, все эти руководства никому не могут быть так полезны, как начинающему, который, видя свою слабость, не хочет ограничиваться беспомощным почесыванием в затылке, подобно одному из двух юношей, одновременно наставивших раздвинутые пальцы, чтобы сделать ход, но, несомненно, без твердой уверенности в том, какой ход надо сделать (30r). Вот новичок, ведя партию с более опытным шахматистом, который задумчиво облокотился на мутаку, и упарившись до того, что даже пришлось, забыв приличия, снять чалму и положить ее около себя, прибег к помощи почтенного мужа, раскрывшего перед ним большую рукопись арабскими буквами, в которой неопытный шахматист ищет нужного указания (14r); судя по его растерянному облику, трудно сказать, поможет ли ему справка в толстом руководстве (табл. 12).

Есть восточное предание о царе, который прежде чем назначить нового визиря, заставлял намеченное

12. Справка в руководстве во время игры. Миниатюра.

лицо присутствовать при игре в шахматы. Тот, у кого хватало выдержки и мудрости, чтобы сосредоточенно и молча следить за игрой, достоин звания визирия. Тому, кто вмешивается в игру, навязывая свои советы и проявляя волнение за чужую игру, нет доверия, не могут быть ему вручены судьбы страны.

Очевидно, не только для раскрытия сути и хода игры чатранга, не только для создания новой игры, призванной помрачить славу создателей шахмат, — нарда, требовались сосредоточенность и полное углубление и напряженность мысли, требовалось закрытое помещение, заостряющее мысль. Спокойствие и напряженная мысль, тишина и изолированность от внешних помех искони почитались необходимыми для нормального хода игры условиями. Недаром неизвестный автор стихотворного персидского наставления отца сыну о том, как держать себя во время игры в шахматы, требует соблюдения спокойствия и тишины. Понятно, почему и в чайной в курдском городке Мёкюс, в глубоком ущельи горного Курдистана, вокруг шахматной доски царил тишина при наличии толпы зрителей, как на хорошем международном турнире.

Но рукопись Альфонса Мудрого достаточно ярко говорит красочным языком своих миниатюр, что многие любители шахмат предпочитали вести свою игру в обстановке приятного и оживленного общества, с кубками и вазами, в которых им подается

угощение, под звуки арфы и лютни, чем при способной нагнать тоску гробовой тишине, обеспечивающей спокойствие и сосредоточенность завязанных шахматистов.

Прекрасно чувствуют себя за шахматной доской те два партнера, которым звуки улаждающей их слух арфы и подносимые юношей плод и кубок не мешают продолжать вести игру и обсуждать положение на доске (9г). На них богатые одежды, у одного с необычайно ярким и сложным рисунком ткани, отдельные сидения для каждого из партнеров и для арфиста, вместо более скромной общей тахты. У них есть возможность располагать слугой, отличие в общественном положении которого от партнеров и арфиста определяется не только иным головным убором (шапочкой с поднятыми краями вместо широкополой шляпы), но и тем, что подавая кубок он вынужден припасть на одно колено.

И двум дамам с богатыми нашивками, ожерельем, серьгами и накрашенными пальцами, не мешают продолжать игру звуки лютни, на которой играет сидящая на той же тахте, на которой расположились партнерши, девушка с распущенными волосами, с повязкой на лбу, девичий головной убор которой так резко отличается от сетки на убранных волосах одной дамы и богатого вуаля, придерживаемого повязкой на голове другой (18г).

Повидимому прекрасно себя чувствуют в обстановке пира оживленно беседующие игроки, из ко-

торых один полулежа так удобно облокотился на мутаку с вышитой на ее головке арабской надписью, а другой, кто помоложе, присел на плетеное кресло. Расовая чернота их кожи так ярко оттеняется белоснежными (у молодого полупрозрачными, с просвечивающим телом) одеждами, чалмами и белками глаз и зубами; чернокожая женщина, стоя за спиною старшего, дает, как хозяйка, указание белолицой девушке, подносящей миску с каким-то угощением и большую флягу. Чернокожая девушка в белых одеждах и белом головном покрывале, которое придерживается темной повязкой, сидя на плетеном кресле, сняв и поставив около себя сандалии на двойных высоких каблуках, играет на абиссинской арфе, не мешая своей музыкой беседе увлеченных игрою партнеров (22г).

Никакая игра, построенная на соревновании в искусстве и владении ее приемами, не может протекать без споров и столкновений. Вот два партнера оживленно спорят, а один из них, более молодой с черной бородой, как будто готов даже бросить игру (47г). Оживленно, но более дружелюбно, спорят и партнеры, расположившиеся тоже под мавританскими арками разноцветной кладки (41г), и под аркадами другого большого здания (42v); и те и другие не ссорятся, их просто волнует спорный вопрос, а разрешить его должны им помочь те раскрытые книги, которые держат в руках более молодые игроки.

При всем том, что в этих миниатюрах отразились моменты расхождения в мнениях и спора между партнерами, на всем протяжении текста о шахматах, ни в одной миниатюре книги Альфонса не выражены элементы ссоры, спора из-за обиды, азарта. Спор не выходит за границы, поставленные сущностью игры, по классификации книги Альфонса — всецело построенной на моменте разума.

Как всякая игра, включающая в себя момент соревнования, состязания, и шахматы не избежали общей участи игр и могли использоваться, как средство к разрешению споров или, может быть даже к стяжанию вещественных благ. Но даже и тогда, когда шахматная партия велась на определенную реальную ставку, вся обстановка игры и основное условие ее ведения, *seso*, рассудок, не могли не смягчать заинтересованности партнеров.

Вспоминается история о том, как в очень ответственной партии, когда по существу ставкой была жизнь, минутное омрачение рассудка хотя бы и самым возвышенным душевным движением, привело партию к губительному для того, чей разум омрачился, концу. Вспоминается юный курдский рыцарь Мам, безумно влюбленный в прекрасную Зин, который, не смея прямо просить ее руки у брата, грозного и могущественного феодала мир-Севдина, играет с ним в шахматы три партии *à discrétion*. И блестящий стихотворный рассказ величайшего из

курдских поэтов шейха Ахмеда (XVI в.) в его изумительном по красоте стихотворном романе Мам-у-Зин, и бесчисленные варианты устного народного курдского предания об этой безнадежно влюбленной чете рисуют одну и ту же картину. Мам, уже выиграв две партии у мир-Севдина, оказывается жертвой предательства своего ненавистника, Бако-Авана, уговорившего партнеров поменяться местами так, что перед глазами Мама неожиданно появляется на балконе предмет его любви, нарочно приведенная Бако-Аваном Зин. Ошеломленный созерцанием возлюбленной Мам сбивается, путает игру, идет слонком вместо пешки и ферзем как конем, проигрывает решающую партию и вместо брачного чертога попадает в каменный мешок, где и находит смерть.

При виде миниатюр с шахматами в книге Альфонса — думается: даже в момент спора о ходе игры играющие в шахматы здесь были так же далеки от подлинного азарта, как в своем волнении был далек от азарта злосчастный влюбленный курдский витязь.

ОБ ИГРЕ, ЗАВИСЯЩЕЙ ОТ УДАЧИ

Яркую картину раскрывает сравнение обстановки и характера шахматной игры, как она изображена в миниатюрах рукописи Альфонса, с тем, как в них отразилась игра в кости.

Среди игроков мы не встретим здесь ни венцесцев, ни королей, ни знатных рыцарей, ни их нарядных дам, ни седовласых старцев, ни даже вошедших в возраст мужчин, ни мужей, внешность и осанка которых отражает направленность их мысли в сторону серьезных вопросов, лиц, близость которых к научным занятиям не вызывает сомнений. Ни один ремесленник не занялся игрою в кости в своей мастерской, кости не выстукивали свою дробь и в лавке купца — это не игра домашнего обихода. Ни одна женщина не приближается к столу с костями. Никому не пришло в голову учить детей этой игре.

Художник, как будто, в передаче даже оборудования игры подчеркнул разницу между возможностями, потребностями и вкусами тех, кто посвящает

свои досуги шахматам или хотя бы нарду, и теми, кто предается игре в кости. Вместо нарядных, выложенных по бортам сложными разнообразными узорами шахматных досок, вместо тщательно отструганной и, судя по четкости рисунка дерева, отполированной доски для нарда, здесь перед нами крышки столов со щелями, которые видны издали между приподнятыми краями плохо пригнанных, ссохшихся и покривившихся досок (71r).

Не удивительно. Ведь, если кости и стучат под сводами и арками дворца, то лишь в руках дворцовой челяди, одежда и вооружение которой определяют место этих игроков в рядах дворцовой стражи, и лишь редкими гостями у столика с костями кажутся наряднее одетые лица, вероятно из числа начальников этой стражи (71r).

Ведь если башня и часть внутренней аркады замка (68r) и сочетается с группой игроков в кости, то только потому, что мы здесь — во дворе замка, где играет группа военных, но не высшего ранга, в таких же шапках, как на юноше, служащем двум шахматистам; а веселящий игроков музыкант с лютней в руках — один из их же среды, в такой же точно шапке.

Другая рука, рука другого художника, дает иную обстановку игры. Здесь — жалкая таверна грубой кирпичной кладки, безобразия которой, по сравнению со всеми другими зданиями, отразившимися в миниатюре

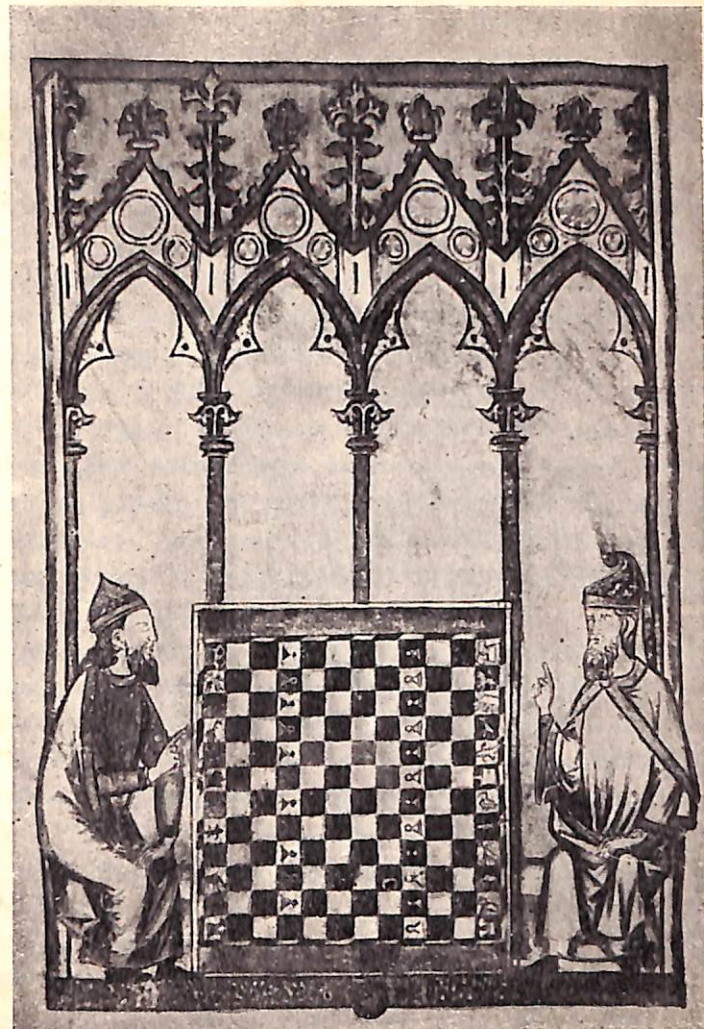
тюрах, скрадывается лишь гармоничной линией подковообразной арки (68v).

Там в саду, если и более сложная обстановка, то все же, сравнив ее с дворцами и другими зданиями, изображенными в миниатюрах, трудно усомниться в том, что и здесь мы видим таверну, особенно если учесть содержание миниатюры (71v).

Отсутствие архитектурного обрамления, как и в ряде миниатюр с шахматами, не может ослабить впечатления игорного дома от миниатюры (66r), где четырнадцать человек сгрудились около двух столиков и с большим оживлением ведут свою игру.

Но разве может слово «оживленность» выразить все то возбуждение, весь тот азарт, который так ярко запечатлелся в миниатюрах! Мы видели, что и в игре в шахматы возникали разногласия между партнерами, которые в таких случаях или спокойно обсуждали положение на шахматном поле, или, в особо трудных и спорных случаях, прибегали к руководствам, или, если уже ссорились, то как-то соблюдая полную корректность: отвернувшись от оживленно толкующего что-то партнера шахматист или прервавший игру сокольничий в миниатюрах рукописи Альфонса уже выражают предел возбуждения, вызванного этой игрой.

А в костях? Здесь горожане, усевшиеся в саду около таверны (71v), не поладили с группой, по видимому, сельчан, не поладили до такой степени,

13. Большие шахматы. Миниатюра.

что горожанин в разгаре горячего спора дает пощечину одному из крестьян и тем вынуждает другого крестьянина предусмотрительно, во избежание беды, наставить два пальца излюбленным жестом предохранения себя от всякого зла. А там дело не ограничилось и пощечиной, страсти игроков, оголенных властью гремящих костей, разгорелись (67r): проигравший все, кроме пояса от подвязок и своеобразных гамаш, и буквально потерявший всякий стыд игрок повалил, прижал к земле и избивает другого. А вот, пока двое катают свои кости (70v), одновременно по обе стороны столика дело зашло дальше: тут в драке один всадил другому нож в грудь, и тот тщетно старается отпихнуть обоними кулаками своего противника, там — та же участь грозит делающему свою ставку игроку от его товарища, размахнувшегося выхваченным из ножен кинжалом.

Да и мог ли не отразить художник этих бурных сцен? Ведь здесь перед нами игра, где рассудок — ничто, а удача — всё, игра, где все зависит от случая или от умения, но умения, которое здесь расценивается не так, как умение играть в шахматы. Ведь это — то самое умение, которое является признаком нечестной игры, то самое умение, предохранительным средством от которого в ряде стран являлся и является стаканчик или рожок, не позволяющий передергивать, выкидывая ловким жестом желательное количество очков. Это — то самое умение,

которое искони и повсюду приводило к побоям и ударам ножом.

Миниатюры ярко раскрывают и другой повод для возбуждения, для драки.

Разве на какой-нибудь из миниатюр, изображающих игру в шахматы, можно заметить, на что ведется игра, в каких целях, кроме показа своего превосходства в искусстве?

В нардах уже появляется монета, игроки делают свою ставку.

А у тех, кто предался игре в кости, не хватает и монет, и, выложив все, что было в кармане или в мошне, они скидывают с себя плащ, развязывают пояс, чтобы снять камзол (71r), лишившись плаща, уже перешедшего в руки более удачливого или более «искусного», ловкого, игрока, продолжают гореть жаром игры (69r), распавшись кидают на стол и пестрый камзол, и кончают тем, что остаются в одних коротких штанишках, как четверо неудачников вокруг одного счастливца (68v), или как восемь неудачников, из которых один не сохранил даже штанишек и в драке показывает свое бесстыдство (67r).

На счастливчике лежит лишь обязанность утешить неудачников. И вот он характерным жестом велит хозяину таверны наполнить из бурдюка кружки и чашу, из которой наперерыв пьют промотавшиеся голыши.

Понятно, почему иллюстраторы рукописи Альфонса, так представляя картину игры в кости и изо-

бражая промотавшегося голыша бегущим, все же, в мастерскую-лавку за новыми костями (вероятно, в надежде получить более удачливые или подобрать их себе по руке) — сочли нужным ввести в серию миниатюр «Книги о костях» монарха. Он предстает не в роли игрока, но в роли зрителя (65r). В торжественной церемониальной позе восседает он перед аркадами дворца в короне и пышном расшитом гербами одеянии, диктуя сидящему у его ног писцу какую-то грамоту (но не книгу), какое-то решение или указ, отвечающий на крики и суматоху, поднятые толпящимися в дверях зала игроками (один из которых явился, как был в притоне, голый); их пытается уговорить сидящий рядом с тронном царедворец, а может быть и судья, в высокой черной шапке. Сочетание гербов на одеянии короля — замок и поднявшийся лев — вообще, разумеется, понятное в кастильской рукописи, должно раскрыть личность изображенного монарха, короля Кастилии и Леона, Альфонса Мудрого.

Замечательно, что даже в этой детали составители рукописи Альфонса не упустили случая подчеркнуть различие между тремя основными играми, описанию которых она посвящена. Отличие спокойной и в то же время интимной обстановки, в которой Альфонс диктует что-то писцу на выходных листах «Книги о шахматах» и «Книги о нардах», от официальной строгости и торжественности выходной миниатюры

«Книги о костях», торжественности, еще более подчеркнутой контрастом с группой ворвавшихся прямо из вертепа во дворец растерянных полуголых игроков, конечно, не случайно.

Здесь Альфонс — не любитель шахматной игры, озабоченный составлением сборника задач и наставлений к шахматам, здесь не объективный составитель книги с описанием различных игр, полезных для заполнения досуга, каким представляется Альфонс во вступительных строках рукописи. Здесь — монарх, сурово пресекающий или, вернее, пытающийся пресечь бесчинства и разорение, сопутствующие игре в кости.

При взгляде на эту миниатюру кажется, что она могла бы служить иллюстрацией не только к этой части рукописи Альфонса, но и к известному указу короля Франции Людовика IX, который в 1255 г., по возвращении из крестового похода, в ряду других мер, направленных к упорядочению и благоустройению общественной жизни, издал запрещение игры в кости.

Замечательно, в какой связи, в каком окружении появляются здесь кости, хотя бы в той редакции текста, которая сохранена Гильомом де Нонжи, автором «Деяний Людовика»: «Мы желаем также и требуем, чтобы наши балы и другие, которые занимают какую-либо должность в подчинении им, а также и все, кто принимают наши веления, и все наши подданные воздержались от... а также от игры

в зернь или кости, и от блуда и от (посещения) таверн. Мы также совершенно воспрещаем и (держатъ) дома для игры в кости, а содержатели их будут строго караться; производство же игральных костей воспрещается повсеместно в нашем государстве; подлежат изгнанию публичные женщины как из сельских местностей, так и из городов».

Во французском тексте того же сочинения формула еще более четка: «Пусть они остерегаются игры в кости, публичных домов и таверн».

А разве вся серия миниатюр «Книги о костях» не раскрывает нам яркой картины кабаков и вертепов, в которых ведется эта игра? Разве все эти миниатюры не представляют собою образного выражения хода мыслей указа Людовика IX? Едва ли можно было бы усомниться в том, что единственно в этом разделе рукописи Альфонса сгущенные краски избраны были в полном соответствии с обстановкой повсеместной борьбы с костями. Борьба эта была тем более своевременна, что естественно резкий толчок к усилению и расцвету этой игры был дан разлагающей обстановкой длинного ряда грабительских походов на Восток, тем более разлагающей, что ближайшим следствием крестовых походов был чудовищный по размерам приток награбленных крестоносцами в христианской Византии, в мусульманской Сирии и в Палестине ценностей.

Не случайно же сам Альфонс во вступительных строках «Книги о костях», как будто извиняясь, считает нужным пояснить, что этот раздел помещен непосредственно после шахмат и до других игр, успех в которых зависит не только от удачи, тем, что самые игральные кости входят в те игры, как необходимая принадлежность: в других разделах Альфонс не считает нужным мотивировать расположение материала в изготовленной по его велению книге. Не случайно же возвращается он тут к противопоставлению игр, построенных на *seso* и *ventura*.

Нетрудно понять, почему в дальнейших частях уделяется столько внимания многообразным играм, требующим, кроме расчета на удачу, и упражнения рассудка. Все эти игры, соответствующие точке зрения третьего из индийских мудрецов, должны были приспособляться, применяться, заново измышляться, как вспомогательное средство в процессе официально ведущейся государственной властью борьбы с зернью в ее неосложненном виде.

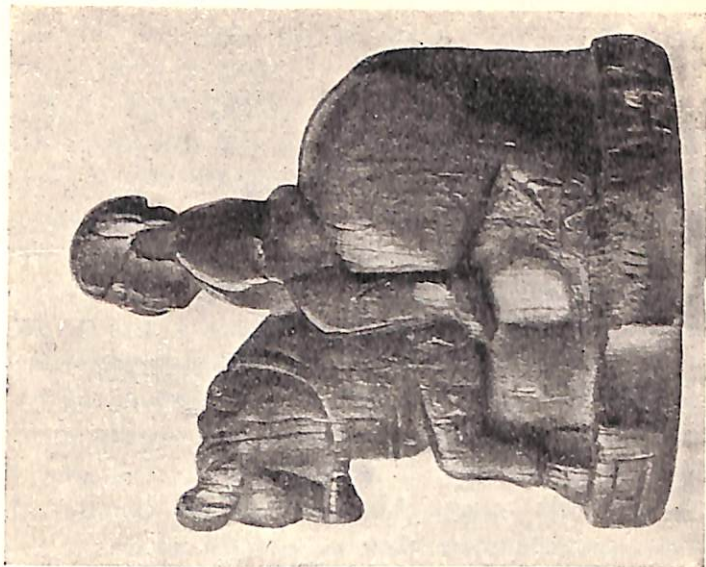
Если бы кости во всех вариантах этой игры не встречали такого отрицательного к себе отношения, если бы увлечение этой игрой, успех которой зависит только от чистой удачи или от мошенничества, приводя к разорительным последствиям и к разрушению семьи, включительно до проигрывания жен германцами при Таците, как и крестоносцами при Никите Хониате, не вызывало ограничительных

и репрессивных мер повсеместно, и со стороны государства, и со стороны церкви,—то конечно не сложился бы, вероятно, прежде всего в среде грешившего этой слабостью духовенства, рассказ о том, что не кто иной, как сам апостол Петр, чтобы попасть в рай, должен был захватить с собою кости и выиграть себе право прохода через желанную дверь.

Любопытно, что, не решившись, или не желая, идти так далеко, как Людовик во Франции, и запретить полностью производство костей, Альфонс счел необходимым ввести указание на технические требования, которым должны удовлетворять кости.

ОБ ИГРАХ, РУКОВОДИМЫХ РАЗУМОМ, НО ЗАВИ-
СЯЩИХ ОТ УДАЧИ

Резкую противоположность обстановке игорного дома, таверны, в которой более удачливый игрок старается скрасить чашей вина горькую долю своих раздетых им же до-гола партнеров, с шумом пощечин, драки и ножевой расправы, представляет мирная картина игры двух мальчиков под руководством старших, уж конечно, не из богатой среды, в алькерке, мельницу, на расчерченном диагоналями и поперечными линиями квадратики (93 v). Так же безмятежно протекает игра двух юношей в ту же по принципу, но иную по чертежу и последовательности ходов, мельницу (93 г). Напоминает миниатюры к шахматным задачам и картина игры углубившихся в обсуждение своих ходов более богато одетых двух людей среднего возраста (92 г); их украшенная рисунком соломоновых печатей доска самой сложностью пересечения направлений ходов алькерке исключает возможность возбуждения и азарта, несмотря на применение костей, определяющих дви-

14. Шахматная фигура. Соломова кость.

жение пешек. Вся группа немолодых мужей, из которых двое играют, а двое внимательно следят за игрой, проникнута спокойствием и выдержкой, напоминающими тех, кто изображен за шахматной доской, и как мало оружие — лук в руках одного из присутствующих — напоминает другое оружие, к которому прибегли в завершение своей игры метатели зерни (91 v). И даже там, где за доской видим людей с алебардами, едва ли не представителей образованного при Альфонсе Мудром городского ополчения, судя по их обывательскому облику (кстати, один — бос), с которым как-то не мирятся три алебарды в руках двух присутствующих при игре, — никак нельзя даже допустить возможность драки и свалки, вызванной только что брошенными на доску кубиками зерни; на месте доски алькерке здесь вполне могла бы быть шахматная доска (92 v).

Случайно ли, что среди игроков в кости, давно привившиеся в Испании и в других европейских странах, где эта игра была широко распространена и еще в античности отмечалась как бич общества, не видно ни одного в восточном одеянии? Нет ли тут отражения того, что за много веков до Альфонса Мудрого закон, под видом религиозного осуждения и запрещения в книге Мохаммеда, изъясил игральные кости из рук тех, кто в VIII веке разрушил Вестготское королевство и образовал западный халифат? Ведь даже нард, сочетающий, как правильно говорит

рукопись Альфонса Мудрого, удачу и силу разума, *ventura* и *seso*, не избег запрещения в коране. Не потому ли и среди игроков в нард не видно людей в чалмах и бурнусах? Не потому ли игрою в алькерке, в котором много более повелительно, чем в нардах, выступает рассудок в дополнение к удаче, в котором момент *ventura* может быть исключен вовсе, оставив место действию рассудка, увлеклись четыре почтенных мужа в бесспорно восточных халатах с характерными для Востока нашивками, тиразами, на плечах обоих игроков? Много бы дало раскрытие состава одеяния этих четырех игроков с их высокими черными шапками, различие в общественном положении которых (тех, кто играют, и тех, кто сидят рядом с ними — один с луком в руках, другой с луком за плечами) так подчеркнуто отсутствием княжеских нашивок на плечах у незанятых игрой. Здесь и самые луки, единственный раз встречающиеся в миниатюрах этой рукописи, имеют характерную восточную форму (91v).

Не потому ли художник посадил за алькерке этих чужеземцев в чуждых Испании и так напоминающих Азию нарядах, что живые люди из различных азиатских стран, бывшие в это время не такими редкими гостями в той же Кастилии, любили, как и до сегодняшнего дня любят, развлекаться этой игрой? И сейчас она не менее как в трех ее разновидностях, из представленных в рукописи Альфонса,

широчайшим образом распространена и на Кавказе, и в Армении, и среди курдов, как была излюблена и во дни сложения книги Альфонса. В городе Ани на шедшем вдоль «Уллы Марра» возвышении мечети Мануче, на плитах которого вели свои торговые дела и, вероятно, проводили свой досуг анийцы без различия национальностей и исповеданий, раскопками Н. Я. Марра был обнаружен чертеж такого алькерке. Ведь и само это название — арабское и означает первоначально 'крепость'.

Спрос на кости возрастал по мере того, как из самостоятельной и совершенно бессмысленной, рассчитанной только на азарт и материальную заинтересованность, игры, кости, не переставая служить для этой цели, обратились в одну из принадлежностей (но — всегда решающую) ряда других игр. Развивался процесс скрашивания элемента *ventura* элементом *seso*, правда, скрашивания чисто внешнего, поскольку в конечном счете победа обеспечивалась за удачей. Развивался процесс обращения игр, основанных на искусстве и мастерстве, в более или менее азартные, вернее — всегда и прежде всего азартные игры.

Учитывая наше толкование слова *карданак* в описании игры неварташир, которая была противопоставлена Важургмихром чатрангу, уже в неварташире есть элемент *ventura*.

Где-то между временем изобретения неварташира или, во всяком случае, сложения «Книги о чат-

ранге», и временем, когда творил свою поэму Фердовси, в VIII—X веках, неварташир принял облик нарда, того самого нарда, который в «древней истории», проникшей якобы из Индии в книгу Альфонса Мудрого, приводится как образец игры, в которой гармонично сочетаются *ventura* и *seso*.

Можно ли не видеть в этом косвенного отражения тех общественных сдвигов, которыми отмечена история Ирана в этот период, процесса ускоренного и усиленного развития жизни города, представители которого еще не успели овладеть таким достоянием феодалов, каким все еще продолжали быть даже на Востоке шахматы, но уже не могли не изыскивать способов ослабления элементами разума элемента удачи в простой игре в кости?

Обратное явление мы имеем с шахматами, которые приспособлялись для удовлетворения той же потребности — сочетания разума и удачи.

Можно легко представить себе любое злоупотребление какой бы то ни было игрою, каким бы то ни было состязанием. Известно, до чего способен изощряться в определенных условиях ум в поисках развлечения и возбуждения, возможностей удовлетворения грубых материальных интересов. Известны «скачки» (с сопутствующим тотализатором), которые когда-то организовывались уголовными на каторге и устраивались в затхлой, безотрадной обстановке окопов царской армии во время империалистической

войны: это — тотализатор, в котором ставка делалась не на скачущих лошадях, а на ползущих паразитов, выставленных участниками игры.

Но представить себе шахматы в их подлинном виде как азартную игру, способную привести к постепенному проигрышу полностью всего имущества — невозможно, хотя бы потому, что сосредоточенность и напряженная работа мысли — необходимое условие продолжения игры — не могут не вводить увлечение и азарт в самые жесткие границы.

Между тем, уже в X в. арабский писатель Масуди был осведомлен о том, что шахматы на самой своей родине становились подчас азартной игрой: «Когда индийцы играют в шахматы или нарды, они ставят на игру ткани или драгоценные камни. Но иногда случается, что игрок, потеряв все свое достояние, ставит какой либо из своих членов», рискуя его отсечением.

Баварский поэт XI века, автор одного из первых стихотворных рыцарских романов, романа о рыцаре Рудлибе, говорит об игре в шахматы на золото.

А проникнутое безразличием и пренебрежением свидетельство византийского писателя Никиты Хониата, рисуя нравы крестоносцев в Константинополе после его взятия в 1204 году, ясно говорит, как далеки были эти рыцари от точки зрения автора пехлевийской «Книги о чатранге»: «Только одна безумная страсть к золоту побудила их обречь на

совершенное уничтожение все эти редкие и прекраснейшие произведения искусства (имеется в виду их переплавка на монету); они часто готовы продать и отдать за несколько оболов даже своих собственных жен, особенно, когда увлекутся игрой в кости, сидят по целым дням за шахматной доской или, когда, надев воинские доспехи, воодушевлятся неразумным мужеством».

Если правило VI вселенского Константинопольского собора 680 г. огульно осуждает вместе с костями и нарды и шахматы, можно еще думать, что здесь по недоразумению попали под запрет чуждые по происхождению и новые для Византии, едва насчитывающие сто лет от своего сложения в Иране игры. Но когда это правило получает подтверждение в ряде византийских и русских постановлений, то здесь уже, разумеется, наряду с общей «суетностью» шахмат, моментом, вызвавшим репрессии, должна была явиться азартность приемов и условий игры.

Во всяком случае, при всей обстоятельности и надежности сведений, обычно сообщаемых писателем Масуди, пришлось бы заподозрить его в извращении или смещении сообщаемых сведений о шахматах, если бы книга Альфонса Мудрого не разъясняла этот вопрос.

В числе различных игр, описание которых входит в его книгу, значатся и Большие шахматы (82v), доска

которых состоит из 144 клеток (табл. 13), и Десятичные шахматы, доска которых состоит из 100 клеток.

Обе эти игры, на первый взгляд ничем не отличаются от обычных шахмат, кроме количества клеток и соответственно числа фигур (48 и 40) и отчасти состава фигур. Но эти игры по существу не имеют ничего общего ни с классическим чатрангом, т. е. с обычными шахматами, ни с столклеточными шахматами Фердовси. В них на помощь рассудку приходит удача; движущим моментом игры и в Больших шахматах и в Десятичных шахматах являются кости.

Этими «шахматами» уж никак не помочь тому, чтобы было осознано, что «оружие мудрости есть главное», никак не доказать, что «мудростью одерживают победу».

Подробное описание Больших шахмат в книге Альфонса дает возможность ясно представить себе состав и ход игры, миниатюра дополняет описание.

Даже если бы не было оговорено в первых же строчках раздела о Больших шахматах, что они сложились в Индии, или если бы возникло подозрение, что эта ссылка на далекую страну имеет целью, так сказать, поднять значение описываемой игры и ею заинтересовать, — самый подбор фигур, дополняющих все тех же короля, ферзя, руха и пешек (которые могли быть взяты из обычных шахмат), ясно выражает подлинно восточные корни Больших шахмат.

Состав фигур и их описание дают возможность думать, что действительно, если не в точности такая же доска с именно такой расстановкой фигур, то нечто очень близкое за столетия до Альфонса Мудрого приводило к разорению жителей Индии, как об этом сообщает Масуди.

Суть не только в «экзотичности» жирафа и крокодила, и не в наивном, но (учитывая время, место и контекст) удачном описании этих зверей.

Нельзя не отметить, что строго натуралистическое раскрытие подлинного облика легендарного единорога, раскрытие, противоречащее самому имени этого мифического зверя, — представляет собою весьма существенный момент. Ценность этого момента еще усиливается тем, что попутно текст рукописи вскрывает происхождение обычного в испанском термина, обозначающего слоновую кость, *marfil*. Под этим словом книга Альфонса явно подразумевает гиппопотама, облик и образ жизни которого оправдывает такое название: в забавном переплетении романского *mar* и арабизованного персидского *fil*, мы имеем название «морского слона».

В ряду фигур, расставленных на доске Больших шахмат, мы встречаем существо, и самое имя и описание внешности и права которого решают вопрос о восточном происхождении игры. Это — птица, которая «имеет много имен в языках народов, в Индии же, где впервые была создана эта игра,

15. Царь Арташир Папакан и бог Ормазд. Рельеф на скале.

носит имя Аанка». Аанка, в имени которой выражен даже непередаваемый латинским шрифтом звуковой состав соответственного арабского слова, описывается, как глава всех птиц, перед которой не смеет взлететь никакая другая птица — с мощными крыльями, способная поднять на воздух слона и всякого другого зверя, блистающая золотом своего оперения, с короной из перьев на голове, в своем стремлении к ясному и чистому воздуху пребывающая всегда на высотах. Здесь встает перед нами облик арабского Анка, который, вместе со своим двойником, иранским Рухом, и с принявшим реальные черты могучей птицы персидским Симургом, выгнали древнейший космогонический образ иранской мифологии — собаку-птицу, Сэнмурва. Не всплывает ли тут, под этим арабским именем, Рух шахмат первоначального в Иране состава, сохранивший в Испании, как и в других странах, свое птичье имя, но потерявший в обычных шахматных наборах свои черты, если не считать пережиточно сохранных даже в наборе Альфонса Мудрого крыльев? Ведь фигура Руха в представлении Альфонса, при всем том, что в изображении шахматных фигур в миниатюрах она сохранила свои поднятые крылья, является какой-то разновидностью всадника или коня, и совершенно неясно, как это имя осмыслилось Альфонсом или теми, кто по его поручению писал этот текст. При такой путанице вовсе не удивительно, что

и, прежде всего, наименования светил, с понятным в романской среде предпочтением римских, латинских имен проникшим в арабскую науку греческим терминам. На этой почве, в значительной степени, выросли и пояснения текста книги об Астрономических шахматах, дающие, так сказать, иконографию олицетворяющих планеты божеств, с обычным (не только в античности) распределением цветов, как для Марса — красный, для Луны — белый и т. д.

О связи с неварташиром здесь приходится говорить, имея в виду лишь попытку отражения в настольной игре, движение которой определяется числом очков на выкинутых костях небесных сфер, знаков Зодиака и планет, перемещающихся на видимом небе из созвездия в созвездие. Само наличие элемента *ventura*, выраженного применением костей, и в неварташире и в шахматах Альфонса исключает возможность истолкования ходов в прямой зависимости от научных представлений времени Хосрова Аношрована для неварташира, или славной в истории астрономии средневекового запада эпохи, для книги Альфонса Мудрого. Уже одна аналогия, проводимая в истолковании неварташира между судьбой движущихся на доске шашек и судьбой человеческого рода, исключала возможность признания господства разума над удачей: какими рассудочными положениями мог бы определяться момент пресечения жизни человека?

Можно ли не отметить в то же время того факта, что Астрономическим шахматам, сложной и мало вразумительной игре, которой в иллюстрациях уделено лишь две миниатюры, отведено так много места в тексте книги Альфонса, страстно преданного астрономии и отдававшего свои личные силы на пользу этой науки. Самый факт несоответствия объема развернутого наставления к этой игре с ее изображением в миниатюрах должен указывать на то, что Астрономические шахматы в том виде, как они даны в книге Альфонса, при всей несомненности нитей, ведущих к невардаширу, явились одним из результатов деятельности астрономов Толедской Академии или ее организатора, Альфонса, результатом, нашедшим себе выражение в трактате о настольных играх, но не нашедшим себе применения в жизни, так же, как не нашло себе, по всей видимости, широкого распространения мудреное толкование Важургмихра. Если наше предположение правильно, то относительно другой астрономической игры, вошедшей, так же как и Астрономические шахматы в заключительную часть книги Альфонса, относительно *Астрономического нарда* (*Tablas per astronomia*), пришлось бы считать, что она была включена в книгу Альфонса еще в полусыром, не вполне разработанном виде, но, вероятно, была еще теснее связана с неварташиром.

Книга Альфонса отразила и досуг феодальной знати и городского сословия, отданный шахматам, и слишком уж бурным ключом бьющую жизнь за-всегдатаев таверн и игорных домов, и углубленно-мудрствующие упражнения «кабинетных ученых» — фанатиков астрономии.

О ДРЕВНИХ ШАХМАТНЫХ ФИГУРАХ

О ДРЕВНИХ ШАХМАТНЫХ ФИГУРАХ

Особенно излюбленное литературное произведение, наиболее популярное в среде того или иного общества, а тем более выходящее в процессе развития этого общества из круга создавшего его класса, бывает чаще всего представлено многочисленными поздними списками и сравнительно редко доходит до нас в древних рукописях. Яркими примерами этого могут служить иранская «Книга царей» Фердовси и грузинская поэма Шоты Руставели «Носящий барсову шкуру».

Так и игра, в течение четырнадцати веков завоевавшая себе почетное место сначала в верхах господствовавшего класса почти что всего Старого Света, а затем осевшая и в других слоях общества, естественно богаче должна быть представлена сравнительно поздними наборами необходимых для нее предметов. Игра, давно вышедшая из обихода или, тем более, составляющая принадлежность определенной замкнутой касты или, хотя бы, ограниченного слоя общества, была бы представлена быть может и не очень многочисленными, но древними

экземплярами, по традиции бережно сохраняемыми и как бы особенно ценными для соблюдения всех традиций и обстановки игры.

Этого не могло быть с шахматами. Все более расширяющийся круг любителей и ценителей этой игры, по существу почти с самого начала требовавшей не столько тщательной отделки фигур, сколько умения вести игру и предусматривать все возможности в развертывании ее хода, определял и бесконечное умножение комплектов и — по мере выхода в широкие слои общества, — упрощение фигур. Первоначально эти фигуры были рассчитаны на пресыщенную роскошью и богатством обстановку царского дворца, хотя бы великолепного двора царя Хосрова Аношрована, а затем, и не только в наши дни, они были призваны удовлетворять запросы подчас беднейших слоев, составляя утеху стариков-крестьян и принадлежность обихода бедной полуземлянки в горной армянской или курдской деревушке или юрты в становище монгольских кочевников.

Трудно было бы перечислить все виды материалов, из которых художники и ремесленники — в соответствии с требованиями могущественных и богатых заказчиков или запросами широкого рынка, или любители игры из низших слоев — для своих личных потребностей, изготавливали изображения всех этих шахов, ферзей, витязей, слонов и рядовых воинов.

Кажущееся элементом сказки указание пехлевийской «Книги о чатранге» на изумруд и рубин, как материал, из которого были сделаны фигуры первого набора шахмат, прибывшего из Индии, звучит как сказочное преувеличение. Но вспомним, каким количеством изумрудов и рубинов, хотя бы малых размеров, бывают усыпаны или вымощены, как улица булыжниками, и в много более позднее время индийские и иранские изделия, рассчитанные на менее пышную обстановку, чем личный обиход одного из самых могущественных во всей истории, неограниченного в своих прихотях восточного властителя — Хосрова I. С другой стороны, изделия из необычайно крупных, хотя бы и не самого высокого качества, изумрудов нам достаточно хорошо известны, чтобы была необходимость заподозривать вымысел в этих словах «Книги о чатранге». Примером может служить хотя бы хранящиеся в Эрмитаже знаменитая итальянская изумрудная подвеска XV века в виде каравеллы (кораблика).

Золото, слоновая кость, рыбий зуб, т. е. моржовый клык, серебро, тэк, эбен и другие драгоценные породы дерева, янтарь, перламутр, — в качестве материала для шахматных фигур уже не вызывают никаких сомнений, как по большей доступности и распространенности материала, так и потому, что изделия из них сохранились в десятках и сотнях экземпляров.

В соответствии со страной, где изготовлены были те или иные фигуры, с состоянием ее хозяйства и условиями производства, расширялся выбор материала, доступного и более широким кругам.

Бычий рог — у скотоводов-курдов, глина в бесконечном разнообразии ее видов — в обширном круге стран и народов, и наконец ствол приречной ивы для незатейливых фигур, которые вырезают для себя жители армянской деревни на склонах Арагаца — этот перечень не исчерпывает средств и возможностей, использовавшихся для изготовления шахматных фигур.

Золото, серебро, бронза, олово блестели металлическим строем шахматного войска на досках многие века и во многих странах. А такой хрупкий и трудный для обработки материал, как горный хрусталь, равно использовался и в девятом и в девятнадцатом веке восточным ремесленником или живущим в европейской столице мастером. Фарфор и стекло — хрусталь немущих — еще увеличили выбор материала.

На помощь резчику, выделявавшему фигуры, пришла живопись, своими пестрыми красками оживившая распространенные в Монголии шахматы и восполнившая недочеты недостаточно пластичного материала — простого дерева и грубость и упрощенность форм скульптуры из глины.

Каждый из этих бесконечно разнообразных ма-

териалов, большее или меньшее разнообразие и степень упрощенности фигур требовали и различной техники обработки. Резьба от руки в камне, кости, роге, дереве, металле, лаке, обработка на токарном станке, простая лепка в глине, формование для глины, стекла, фарфора, последующая ретушь, чекан и гравировка и, наконец, роспись, склепывание, свинчивание и иные виды скрепления разнородных материалов, нередко использовавшихся для изготовления одной фигуры, — вот далеко неполный перечень технических приемов, применявшихся на протяжении веков при изготовлении шахматных фигур.

Тончайший пунсон и штихель, богатый набор стамесок, грубый карманный нож, примитивный токарный станок, приводимый в движение ударами смычка, современный усовершенствованный и движимый электрической энергией токарный станок, алмазный песок и стеклянная бумага, грубый напильник, косточка для наведения блеска и шлифовальная машина — все эти орудия на протяжении веков применялись для создания шахматного войска.

Но особенно характерно — и, с другой стороны, вполне понятно, — что наиболее древние, дошедшие до нас шахматные фигуры, и заботливо, как реликвии, сохраненные в сокровищницах и найденные в современных раскопках, по преимуществу сделаны из ценных материалов: горный хрусталь, слоновая кость.

Это естественно. С одной стороны, эти вещи VIII—XII веков относятся к тому времени, когда в странах Востока, как и в странах Запада, шахматы составляли преимущественно предмет утех и развлечения класса, в обиходе которого эти материалы были обычны. С другой стороны, и самый материал и соответствующая ему отделка определяли высокую ценность этих, даже разрозненных фигур для тех, кто хранили ключи от ризницы аббатства Сен-Дени или любого другого монастыря, так щедро одарявшихся на ряду с иными, более реальными, благами и набором шахматного войска, о чем говорят многие дошедшие до наших дней дарственные грамоты и завещания западных феодалов и королей. Да и в обстановке замков эти более богатые, из «благородного» материала сделанные фигуры сберегались с большей заботой, даже когда это были лишь остатки растерянного набора, чем менее богатые изделия, особенно же, когда вокруг остатков набора или отдельных фигур нарастали легенды о подлинной или вымышленной принадлежности их тому или иному знаменитому предку или же прославленному в истории покровителю монастыря. А этими двумя источниками главным образом и определяется происхождение хранящихся сейчас в музеях и частных коллекциях древнейших шахматных фигур.

Естественно, преобладающее большинство этих фигур — западного происхождения, поскольку они

в древности были более многочисленны в тех странах, где они сохранились. Ведь с этой точки зрения не производилось специальных изысканий в восточных хранилищах, будь то мечети, монастыри Монголии и Тибета, индийские храмы или сокровищницы восточных князей и властителей.

Количество восточных шахматных фигур, попавших в европейские собрания, крайне невелико. Одна или две фигуры слоновой кости из приписанного преданием легендарному посольству Харун-ар-Рашида к Карлу Великому набора аббатства Сен-Дени (теперь в Национальной библиотеке в Париже), две-три прекрасной работы хрустальные пешки и аналогичной формы две костяные пешки в Британском музее, мощная хрустальная фигура всадника, похищенная не так давно из Гамбургского музея, и великолепный слоновой кости слон в музее Барджелло во Флоренции — вот перечень наиболее известных восточных фигур, обычно отмечаемых, как высокие образцы художественного ремесла Востока. На почетное место в этом ряду должна будет стать простая по формам, но исключительно ценная по месту находки фигура пехотинца, коленопреклоненного стрелка, из недавних раскопок Дамгана в Иране.

В условиях такой ограниченности материалов особую ценность приобретают принадлежащие Эрмитажу две бесспорно восточные шахматные фигуры.

О ДВУХ ДРЕВНЕЙШИХ ШАХМАТНЫХ ФИГУРАХ ЭРМИТАЖА

В Эрмитаже хранятся относящиеся к различным эпохам шахматные наборы и отдельные фигуры. Но самыми замечательными среди них являются две древнейшие восточные фигуры.

К одной из них в свое время уже привлек внимание К. А. Иностранцев, сомневавшийся, впрочем, в принадлежности этой фигуры шахматному набору. Найдена она, что чрезвычайно интересно, на городище древнего Самарканда — Афрасиабе.

Это — вырезанная из слоновой кости фигура всадника на мощном и крепком коне, с поднятой по линии корпуса воина грозной палицей (табл. 14). Поверхность фигурки пострадала. Тяжелые формы и грузная поступь коня, напоминающая скальные рельефы сасанидских царей, палица, совершенно соответствующая палице в руке бога Ормазда на инвестирующем рельефе первого сасанидского царя Арташира Папакана (табл. 15), и весь облик этого шахматного витязя позволили бы отнести эту вещь к сасанидскому

46. Шахматная фигура — рух. Слоновая кость.

периоду, будь она найдена в Иране. Обычность «санидских» форм и черт в искусстве и художественном ремесле Средней Азии в несколько более позднее время дают возможность, учитывая место находки, определить время этой фигурки VIII—IX вв.

Из всех известных восточных шахматных фигур ближе всего к нашему всаднику подходит великолепный слон в богатой парчевой попоне, из слоновой кости, в музее Барджелло, несомненно относящийся к тому же, примерно, времени.

Другая шахматная фигура Эрмитажа, также из слоновой кости, найдена в пределах древней Ферганы.

Если относительно принадлежности нашего всадника к шахматному набору высказывалось неразделяемое нами сомнение, то данную фигуру мы впервые решаемся связать с шахматами. С обычным представлением о составе шахматного войска эта фигура никак не вяжется.

Она изображает большую хищную птицу, сидящую как бы на утесе и держащую в когтях какую-то водяную птицу с длинной шеей. Необычайно выразительно переданный хищник опустил сильный клюв, как будто готовясь терзать свою добычу (табл. 16). Фигурка не имеет никакого расширения внизу, которое могло бы обеспечить устойчивость, но снизу вверх идет глубокое круглое гнездо, несомненно служившее для штыря в предмете, на который когда-то она была насажена. Этим предметом должна была

бы быть сделанная из другого материала подставка или ножка. Костяные шахматные фигурки на серебряных, или вообще металлических, ножках хорошо известны в древности.

Разумеется, не отсутствие подставки явилось препятствием к тому, чтобы кто-либо эту фигурку уже раньше связал с шахматной игрой: ведь прежде всего встает вопрос, что делать птице в рядах шахматного войска. Но вспомним, что на месте нынешней туры, русской пушки или ладьи, Шахнамэ Фердовси знает Руха, давшего свое имя соответствующей фигуре и известному ходу, рокировке, в языках чуть ли не всех народов мира. Ведь Фердовси под Рухом подразумевает живое существо, притом несомненно хищное и кровожадное, «с пеной от крови печени на губах».

Едва ли есть место для сомнений в том, что в представлении Фердовси этот Рух был связан с прославленной в эпосе восточных народов, связанных с Ираном, птицей Рух. Ведь и восточные лексикографы (арабские, персидские и основывающиеся на них армянские) связывают название этой шахматной фигуры с именем птицы Рух.

Птица Рух могла иметь особо большое значение в бою по представлениям иранского войска и выделявшей это войско среды, в глазах которой Рух является другом, защитником и покровителем витязя. Появление Руха вместо незнакомой и чуж-

дой строю сасанидского войска боевой колесницы в порядке замены конкретного, но чуждого образа фантастическим, но близким и хорошо знакомым, является не менее естественным и понятным, чем замена на Западе башней-турой чуждого образа и термина Рух, в порядке народной этимологии удовлетворительно осмысляемого лишь во французском по совпадению слов гос 'рух' и гос 'утес' и по созвучию итальянского госсю — 'рух' и госсю — 'утес'.

Не случайно же в подлинных древних шахматных фигурах Запада и в изображениях шахмат в памятниках искусства и миниатюрах, представляющих шахматную игру, и, что особенно важно, в геральдике, в гербах, эта шахматная фигура почти всегда бывает снабжена более или менее ясно выраженными крыльями, а башня появляется лишь в позднее время.

Недаром автор наиболее серьезного труда по истории шахмат, Муггау отмечал, что шахматы, употребляемые в настоящее время магометанами-суннитами мало отличаются от тех, что употреблялись несколько веков тому назад; единственное изменение — форма Руха, который больше не имеет распростертых крыльев, которые отличали эту фигуру в средние века также и в Европе. Но здесь Муггау, говоря о древней восточной шахматной фигуре с крыльями, не имеет в виду какого-либо конкретного экземпляра, — они до сих пор были неизве-

стны, а мог заключить, — и совершенно правильно, лишь из претворения восточных фигур в европейском обиходе и из устойчивости крыльев в наиболее ранних европейских наборах, начиная, хотя бы, с изображения шахмат в эскурнальской рукописи Альфонса 1283 г. Несомненно одно — что Муггау воспринимает Руха как нечто крылатое.

Летом 1933 г. Эрмитаж имел возможность приобрести в Абаранском округе ССР Армении на северном склоне Арагада в курдской деревне Джамышлуэ-мазын, набор шахмат очень простой работы из бычьего рога, которыми постоянно пользовались любящие эту игру старики курды-езиды. В этом наборе бросается в глаза, что в ряду всех остальных фигур, представляющих собою (при всем сохранении наименований «шах», «ферзь», «конь», «слон», «пехотинец») различной формы столбики, лишь четыре туры имеют необычную форму.

Для всякого, кто знаком с приемами стилизации птицы — и особенно хищной птицы, в частности орла — в восточном искусстве, не может быть сомнения в том, что мы имеем здесь именно фигуру птицы, но птицы, повидимому, обезглавленной. Последнее обстоятельство не может удивить в обстановке страны, где под давлением суннитского ислама

не только творимое искусство не терпело совершенного, т. е. целостного, изображения живых существ, но где и сохранившиеся от древности изображения, обезглавливались путем нанесения надрезов на шею.

Курды в Джамышлуэ-мазын называют эту фигуру Рах и объясняют это название тем, что фигура эта ставится на краю (по-курдски — *gash* 'край'), ни в какой мере, даже в ответ на наводящие вопросы, не осознают ее как птицу, а распростертые крылья уступивший этот набор Эрмитажу старик воспринимал как бурку, которую носит знаменосец (бай-рахдар) шаха.

Это вполне понятно и естественно: персидский Рух курдскому эпосу незнаком, его функции выполняет птица Симыр, первоначально самостоятельное существо иранской мифологии, собака-птица Сэнмурв, затем в процессе упрощения и своеобразного стирания мифических образов и в самой иранской среде ставшее почти двойником Руха. Наивность народной этимологии (*takh* 'край') — полная параллель народной этимологии французского *gos*, итальянского *grosso*.

Что касается до «бурки» знаменосца, то курды Джамышлуэ-мазын никак не могли объяснить, почему только знаменосец шаха изображен в бурке, а и шах и ферзь и пехотинец — в виде различного размера, но одной и той же формы, приземистых

тумбочек. Мы здесь имеем очень интересный пример «народного» осмысления непонятного термина и непонятного образа.

Недалеко от Джамышлуэ-мазын в армянской деревушке Былхер, чуть не поголовно увлекающейся шахматами, где местным гросмейстером является 93-летний старец, в вырезанном в наши дни наборе, по ряду фигур поразительно близком к набору, изображенному на десятках миниатюр в рукописи кастильского короля Альфонса Мудрого 1283 г., соответственная фигура, не передавая так ярко форм птицы, как фигурка из курдского набора, сохранила такие же, как на фигуре в наборе Альфонса, стилизованные распростертые крылья. — Через — 650 лет!

Старик-шахматист в Былхере определял эту фигуру, как пушкаря (*топчи*), так как она «бьет» во все стороны; а ведь и в русском обиходе ладья называется и пушкой.

Едва ли может удивить то, что мастер, вырезавший лет за полтора до Фердовси найденную в Фергане фигурку, отчетливо представлял себе значение и происхождение этого древнего образа, еще не стершегося, если даже при полной его стертости в чуждой европейской среде эта фигура сохраняет крылья, если не знающие Руха курды дают нам в качестве фигуры руха — стилизованную птицу.

Единственное, что способно поколебать уверенность в правильности определения ферганской фи-

гурки, как шахматного руха, «ладьи», — это возможность предположения, что в ней мы имеем не руха из обычных шахмат, а двойника птицы Рух, птицу Анка, занимавшую, как мы видели, почетное место в ряду фигур специального вида шахмат, «Больших шахмат», описанных в книге Альфонса Мудрого. Пока мы не знали текста эскурнальской рукописи, эта птица казалась нам рухом. Но как различить в тысячелетней шахматной фигурке черты, характерные для одного из двойников, образы которых при всем том, что сказка отводит им место на противоположных концах мира, так тесно переплелись и в письменном предании и в современном фольклоре?

ГАВ И ТАЛХАНД

ОТРЫВОК ИЗ ШАХНАМЭ

Перевод с персидского

М. М. ДЯКОНОВА

ГАВ и ТАЛХАНД

Начало рассказа

Поведал мудрец Шахуи нам рассказ,
Послушайте старца премудрого глас.
Был муж знаменитый в Индийской стране,
Он счета не ведал войскам и казне.
Все люди его называли Джамхур,
Он был знаменитей, чем доблестный Фур.
И стал над индийским народом царем,
Прославился он добротой и умом.
Кашмиром владел; до китайских границ
Вельможи пред ним повергались ниц.
Себе покори́л он все страны земли,
Столицей владыки был град Сандали.
Там войско, казна, там высокий дворец,
Там перстень с печатью и царский венец.
Джамхур для себя совершенства хотел, —
И мудрость и слава — владыки удел.
И подданных всех веселились сердца,
Народа и витязей знатных двора.
Жена же — владыке подобна была,

Достойна, умна и беззлобна была.
И сына родила ночью порой,
Младенец был сходен с блестящей луной.
Отец, молодого царя увидав,
Нарек ему имя прекрасное Гав.
Немного недель пробежало — и вдруг
Владыку постигнул тяжелый недуг.
Супруге последнюю волю сказал
И умер, а Гаву весь мир передал,
Но мал был царевич для трона отца,
Не мог он доспехов носить и венца.
Повержены головы знатных во прах,
Слова о Джамхуре у всех на устах.
О щедрости, благодати, славе его...
Весь мир вспоминал о державе его.
Собралось войско, собрался народ,
Мужи, дети, жены, всяк слово берет.
«Не знает младенец ни лука, ни стрел,
«Ни права, ни мести, ни царственных дел,
«Потерпит держава великий урон,
«Коль царь будет юн и еще несмышлен».
Был брат у Джамхура-царя — молодой.
Достойный венца и престола герой.
Был Маем великий герой наречен,
Он Будде покорен, Дамбар его трон.
И люди — выдавшие страны земли
В Дамбар поспешили от стен Сандали.
Вельможи Кашмира, китайских границ

Поверглись пред Маем прославленным ниц.
И он из Дамбара в столицу пришел
И занял сияющий царский престол.
Джамхура венец возложил на чело,
Щедроты и милость — его ремесло.
Взял в жены царевича юного мать,
А Гава с любовью решил воспитать.
Подобная пери потом понесла
И сына владыке страны родила.
Младенца Талхандом владыка нарек,
Души в нем не чаял, лелеял, берег.
Когда же два года минуло ему,
Семь Гаву, что всех превзошел по уму,
Царя поразила неизвестный недуг,
И в сердце царицы вселился испуг.
Прошло две недели. Тоскою томим
Скончался, и мир он оставил другим.
Был в горе великом весь град Сандали,
Сердца тосковали, и слезы текли.
И скорбь о владыке была велика,
Но месяц прошел, и собрались войска,
И знатные люди, вельможи страны,
И те, что по милости неба умны.
И речь заводили о том и о сем,
Но молвил мудрец, знаменитый умом: —
«Жена, что супругой Джамхуру была,
«Всегда справедлива, во всем ей хвала.
«Мужей милосердью учила она,

«Всегда справедливость любила она,
«Велик ее род и высок ее сан,
«Правдива, смиренна, и разум ей дан.
«И знайте, достигнув престола царей,
«Она не забудет вельмож и князей».
Собрание все взвеселилось душой,
Послали ей вестника с речью такой:
«Должна на престол сыновей ты взойти,
«Не знает собрание другого пути.
«Когда же твои подрастут сыновья —
«Им будет и трон и держава твоя.
«Ты будешь всегда утешителем их,
«Наставником, другом, учителем их».
И тотчас жена со счастливой судьбой
Венец приготовила, трон золотой.
Умножила благость и кротость она.
Правлением царицы довольна страна.
Для каждого сына был избран мобед,
Достойный, благой, обошедший весь свет.
Жена мудрецам поручила детей,
Породой, умом знаменитых князей.
Без них не была ни минуты одной.
И глядя на них веселилась душой.
Когда возмужали, окрепли сыны,
В науках и знаниях стали сильны,
Нередко один от другого тайком
Царицу они вопрошали о том,
Кто более славы достоин из них,

Кто сердцем возвышен в деяньях своих.
И каждому так говорила их мать:
«Как мне о достоинствах ваших узнать?
«Вы мне покажите смирение свое,
«Совет, красноречье, умение свое.
«О царской породе всегда говорит
«Лишь ум, справедливость, забвенье обид».
Когда оставался с царицей один,
То так говорил тогда матери сын:
«Кто власть над людьми и страной возьмет?
«Кто трон с диадемой златою возьмет?»
И мать отвечала: «Ты будешь царем,
«Ты счастлив и славен великим умом».
И сыну другому такие ж слова
Твердила она, и не раз и не два.
И каждый мечтал о державе царей,
О войске, сокровище, славе царей.
Так стали мужами молодые князья,
Царевичам черные мысли — друзья.
И злобой лихой омрачились их дни,
О царстве, о злате мечтали они.
Расколото надвое войско страны,
Разумные люди — боязни полны.

Спор Гава и Талханда о троне

От злых наущений вспыхнули они,
И к матери в дом поспешили они.

Сказали: «Ответствуй, кто лучше из нас?

«Кто крепче, скажи, в испытания час?»

Ответила юношам мудрая мать:

«Должны вы мобедов ученых позвать,

«Усесться все вместе и речь повести,

«Спокойно размыслить о правом пути.

«Потом созовите вы знатных страны,

«Людей, что в совете тверды и сильны.

«Просите о помощи в деле своем...

«Зачем же пылать ненасытным огнем?

«Тому, чья протанется к трону рука,

«Нужны прозорливость, богатство, войска,

«А кто завладеет бесправно страной,

«Тот станет державе бедою лихой».

Тут мудрый ответствовал матери Гав:

«Ты нам не ответила, много сказав.

«Коль думаешь — я недостоин, скажи,

«Не надо обмана и низменной лжи.

«Талханду отдай ты венец золотой,

«И буду ему я покорным слугой.

«Но если я первый годами, умом,

«И буду как отпрыск Джамхура, царем,

«Ты брату скажи, что на царственный трон

«Нельзя посягать, если выбор решен».

Тут мать отвечает: «Ты пылкость оставь,

«И речи в спокойное русло направь.

«Обязан, кто трон властелина займет,

«Быть смелым и руки открыть для щедрот.

«Беречь свою душу он должен от зла,

«Разумно вести в государстве дела,

«Готовить врагам наказание и месть

«И знать, что такое бесчестье и честь.

«О том, что творил он, о добром и злом

«Светил господин разузнает потом,

«И если хоть мошку обидел тот шах —

«Пребудет душа его в адских огнях.

«Темнее, чем ночь, мир коварный и злой,

«Как волос, так тонок пусть ум будет твой.

«Иначе спасенья душе не найти,

«К добру не приводят кривые пути.

«Коль царь восседает, благое творя,

«Весь мир веселится и славит царя,

«Но время придет и в земле будет он,

«Иль в яме глубокой и мрачной сожжен.

«Джамхур был из рода великих царей,

«Не знаем царя справедливей, добрей,

«Он умер, когда еще полон был сил.

«И дарство он младшему брату вручил.

«Пришел из Дамбара тут Май удалой,

«Умом прозорливый, благой, молодой.

«Собрался к престолу весь град Сандали,

«Все рады, что нового шаха нашли.

«На троне воссел, не боялся забот,

«Был смелым и руки открыл для щедрот.

«Взял в жены владыка могучий меня,

«Жила я, властителя тайны храня,

«Ты старший, о, Гав, из моих сыновей,
«Годами и разумом брата сильней,
«Будь мудр и душой непокорной смирись,
«За славой, венцом и казной не гонись.
«Когда одного я из вас изберу,
«Я сердце другого враждой раздеру.
«Никто из-за власти пусть крови не льет —
«Не вечен никто в этом мире невзгод».
Послушал Талханд материнский совет,
Решил он, что пользы в словах этих нет.
Сказал он царице: «Я знаю, о, мать,
«Решила ты старшего брата избрать.
«Пусть старше годами меня будет он —
«Не всякий тот лучше, кто раньше рожден.
«Мужей тебе каждый не мало найдет,
«Ровесников коршунам горных высот,
«Однако, те старцы не ищут дворца,
«Короны, сокровища, трона, венца.
«Был молод отец мой, когда умер он.
«Увы, никому он не отдал свой трон.
«Ты к Гаву склоняешься в сердце своем,
«И втайне ты хочешь, чтоб он был царем.
«Но знай, все равно я людей разыщу,
«За память отца, за себя отомщу».
Тут страшную клятву царица дает:
«Пускай позабудет меня небосвод,
«Коль тайно или явно мечтала о том,
«Коль бога молила я в сердце своем.

«Поверь мне, я блага желаю тебе,
«А ты не перечь небесам и судьбе:
«Она кому хочет блаженство дает,
«А помощь в несчастье — Ездан принесет.
«Тебе, как могла, я давала совет,
«Но если в нем пользы душе твоей нет,
«Ты можешь по воле своей поступить. —
«О, если б советом могла вас смирить!»
Затем мудрецов приказала позвать,
Советы свои повторила опять.
Ключи принесла от сокровищ царей,
Что всех прозорливее были, мудрей.
Открыла царица тогда тайники,
Собрались вельможи, бойцы, старики.
Царевичей всем оделила она,
Желаньем помочь им, любовью полна.
Талханду могучему Гав возгласил:
«О муж благородный, исполненный сил.
«Ты слышал, что тот, кто моим был отцом,
«Годами был старше и светел умом.
«Твой славный отец был всегда незлобив,
«Он жил, о престоле царя позабыв.
«Он младший, о том не забыл ни на миг,
«И стать не стремился владыкой владык.
«Творец неужели же будет с тобой,
«Коль стану я младшему брату слугой?
«Чисты, справедливы царицы слова,
«Твоя ж черных мыслей полна голова.

«Из войска мужей соберём на совет,
«Разумных, благих, обошедших весь свет,
«Пусть выход достойный укажут они,
«Тогда мы поступим, как скажут они».
Покинули юноши матери дом,
И спорили громко о деле своем.
Горячего спора исход был таков:
«Не станем мы слушать мужей и бойцов.
«Для нас и мудрец и невежда равны,
«Решать же — наставники наши должны.
«Они преподали нам знание и свет,
«Наукам учили с младенческих лет».
Наставники царские тотчас пришли
И споры они меж собой повели.
Царевича Гава наставник хотел,
Чтоб Гав получил Сандалийский удел,
Наставник Талханда, мудрейший из всех,
Желал, чтоб Талханду во всем был успех.
И спорили так и один и другой,
Что души питомцев зажглися враждой.
Затем водружали два трона златых,
Сажали героев счастливых на них.
У каждого справа учитель стоит,
О власти над миром царям говорит.
Позвали вельмож во дворец мудрецы,
Направо, налево садились бойцы,
И речь повели мудрецы-старики:
«Вельможи, герои, бойцы-смельчаки!

«Царевичей видите, славен их род,
«Дела их отцов не забудет народ.
«Кто будет, скажите, над всеми царем,
«Кого по заслугам его изберем?»
Смутились душою мобеда страны,
Вельможи и мудрые славны сыны.
Два трона стоят и на них два царя,
Наставники спорят — лихое творят.
И поняли люди совета тогда,
Что царству несчастье грозит и беда.
Разодрано царство, повержено в прах,
А в сердце разумных смятение и страх.
Тут голову поднял один из мужей,
Вскочил и промолвил собранью князей;
«Наставников два — и царевичей два,
«Решенья не может принять голова.
«Мы лучше на завтра совет соберем,
«И там порешим мы тогда обо всем,
«Отправим посланца с ответом своим,
«Быть может царевичам мы угодим».
И вышли смятением, злобой дыша.
Слова жестоки, и сурова душа.
Твердили: «Все это — несчастье сулит,
«И опытный здесь ничего не решит.
«Мы видим впервые двух равных царей,
«У каждого трона — дастур-лиходеи».
Сидели всю ночь с омраченным челом,
И солиде поднялось в сиянии своем.

Собралися вместе вельможи страны,
Кто дела решеньем заняться должны.
Наполнился криком весь град Сандали,
Несвязные речи мужи повели.
Один — лишь о Гаве-царе говорит,
Другой о Талханде-герое кричит.
Устали у всех языки от речей,
Но нету согласия средь ратных мужей.
Одни посылали к Талханду гонца,
И Гава хулили в письме без конца,
Другие у Гава собрались толпой,
Кричали, что преданы шаху душой.
И смута в стране свое место нашла,
Добра не могла отличить ото зла.
Мудрец говорит, что разрушится дом,
Коль двое хозяев окажутся в нем.

Гав и Талханд готовятся к битве

Узнали Талханд и прославленный Гав,
Что в ульде каждой, смутьянов собрав,
Явился водитель и слышится крик,
И яростью души наполнились вмиг.
Коль страсти бушуют — погибнет страна,
Правителей власть для спасенья нужна.
От вести тревожной в смятении они,
Проводят бессонные ночи и дни.
Однажды случилось, что двое царей,

Сошлись без свиты и рати своей.
И речь повели оба юных бойца,
Их лица угрюмы и злобны сердца.
На брата прогневался Гав удалой,
От споров таких возмущился душой.
Талханду сказал: «Мне, о брат, не перечь!
«Царям не пристала подобная речь.
«Во тьме не ищи, как невежды, глупцы
«Того, что не могут найти мудрецы.
«Ты знаешь, в те дни, что Джамхур был царем,
«Покорным был Май ему вечно рабом.
«Он умер — я был неразумен и мал,
«Нельзя, чтоб младенец престол занимал.
«Страна процветала по воле его,
«Никто не мечтал о престоле его,
«Покойному брату подобный во всем
«По воле собранья был избран царем.
«Но если бы зрелым я был в те года,
«Никто бы о Мае не вспомнил тогда.
«Поступим по древним законам отцов,
«Расспросим о добром и злом мудрецов.
«Годами, рождением я старше, чем ты.
«Мне трон предназначен, оставь же мечты.
«Смирись и не думай о троне царей,
«Посмешищем станешь для добрых людей».
Но брату ответил Талханд: «Замолчи,
«И хитростью к власти пути не ищи.
«Наследство мое — и корона и трон,

«От царского семени был я рожден.
«Сокровища, царство и войско, поверь,
«Мечом без труда я добуду теперь.
«Что в Мае, скажи, что в Джамхуре тебе?
«О троне мечтаешь? Готовься к борьбе!»
Решили войну меж собою они,
Вернулись готовиться к бою они.
Народ и войска разгорелись враждой,
К чертогам царей поспешили толпой.
И часть — за Талханда горою стоит,
Другая же к Гаву душою спешит.
Тут крики раздались у царских дверей,
Ноге не ступить меж мятежных мужей.
И первым Талханд был к сраженью готов
И ждал с нетерпеньем жестоких боев.
Подвалы отцовские отпер он сам,
Кольчуги и шлемы он роздал бойцам.
Повержено царство в уныние и страх,
Жестокие раны в разумных сердцах.
Что ныне готовит изменчивый рок?
Кого из царевичей час недалек?
И взор государства на них устремлен,
Войска собираются с разных сторон.
Талханд раньше всех облачился в доспех
И руки омыл для кровавых утех.
И Гав снарядился, кафтан затянул,
В усердной молитве отца помянул.
Поднялись герои, задора полны,

Готовы стоят боевые слоны,
И седла надеты с искусной резьбой.
Ты скажешь — весь мир приготовился в бой.
Сверканьем бубенчиков взор ослеплен,
А слух боевою трубой оглушен,
Так в бой выходили два юных царя,
Желанием славы и власти горя.
Над полем сгустилася мгла в небесах,
А взор застилает встревоженный прах.
Играет труба и гремит барабан,
Наполнился криками вражеский стан.
Развернут направо, налево их строй,
Ты скажешь — земля поднялася горой.
Поднялись два войска отвагой горя,
На спинах слоновьих два юных царя.
Пред каждым знамена цветные несут,
Там птица Хума, тигр воинственный тут.
Пехота идет, копьеносцы потом,
Готовые к бою, с надежным щитом.

Гав увещевает Талханда

Тут Гав увидал, что все поле войны
Пестро, как узор леопарда спины.
Уста пересохла и кровь на земле,
Лишь копыта сверкают в сгустившейся мгле.
И вспыхнула жалость к Талханду тогда,
Пред разумом в сердце смирилась вражда.

Призвал человека из свиты своей,
Что был предводителем славных мужей.
«К Талханду ступай и его убеди,
«Скажи:— «Ты напрасной войны не веди,
«За кровь, что прольется в неправой борьбе,
«Ответить пред богом придется тебе.
«Ты выслушай Гава разумный совет:
«В тщеславьи твоём справедливости нет.
«Не надо, чтоб этой греховой борьбой
«Мы памятни миру остались с тобой.
«Стране нашей жребий тяжелый готов,
«Убежищем станет для барсов и львов.
«От битвы, от бранных затей откажись,
«От крови невинных людей откажись.
«Порадуй мне сердце, смирись и остынь
«И совести бремя ты с плеч своих скинь.
«От дальних пределов Китая досель
«Возьми сколько хочешь богатых земель.
«Любовь да возникнет из наших сердец,
«Тебе на чело возложу я венец.
«Как золото — царство разделим сейчас,
«Чтоб не был венец мой печалью для нас.
«Но если ты хочешь сражаться, о царь.
«И стадо рассеять, что собрано встарь,
«Проклятие мира падет на тебя,
«И смерти секира падет на тебя!
«Побойся владыки обоих светил,
«Во тьме заблудился и путь ты забыл.

«Неправды лихой не твори ты, о брат,
«Неправда и правда — далеко стоят!»
Отправился тотчас к Талханду посол
И шаха советы благие привел.
Ответ был: «Ты Гаву скажи, не таясь:
«Сражаться ты видно не хочешь, о князь!
«Не брат и не друг ты доверенный мой,
«Умом и обличем — Талханду чужой.
«Ты царство разрушишь, питаешься враждой,
«Коль витязей смелых подвигнешь на бой.
«Злодеи твой трон и тебя стерегут,
«День мрачный Бахрама — Ормуздом зовут.
«Ты грешник пред богом, создавшим людей,
«Ничтожный, коварный и низкий злодей.
«За кровь, что прольется в жестокой борьбе
«Мне честь, а бесчестье и горе тебе!
«Ты хочешь короной делиться со мной?
«Моим будет трон и венец вырезной.
«Богатство и земли страны — все мое.
«От солнца до рыбьей спины — все мое.
«Ты царствовать хочешь и брата любить?
«Мне земли пожаловать? Другом мне быть?
«Да лучше погибнуть, расстаться с душой,
«Чем видеть, что сел ты на трон золотой!
«Я выстроил войско, сверкают мечи,
«И в воздухе, глянью, переливы парчи,
«От блеска оружия, тоской обуян,
«Не сможешь удил отличить от стремня.

«Я головы срежу у ратных мужей,
«Я стоны исторгну у рати твоей.
«Я сечу такую затею, поверь,
«Что хищный устанет от сечи той зверь,
«И Гаву я руки за спину скручу,
«А войско, как пыль, я по ветру пушу.
«И царь и вельможи, бойцы и рабы
«Во век не наденут доспех для борьбы».
Посланник премудрый той речи внимал,
Вернулся и Гаву ответ передал.
Печален стал Гав, как услышал, что брат
Безумен и Гава посланью не рад.
Наставника тотчас призвал, мудреца,
Ему передал, что слышал от гонца,
И рек ему: «Ищущий знания — скажи,
«И средство от бед и тревог укажи.
«Посечены головы, кровь на полях,
«А в душах смятенных — уныние и страх,
«Боюсь, что битвы кровавой исход
«Несчастье мне и беду принесет».
Мудрец отвечает ему: «Государь,
«В советах моих не нуждается царь,
«Но если ты все же мой ценишь совет,
«Скажу я, что блага в войне этой нет.
«Посланца такого найди, чтоб был смел,
«Разумен и знатен, речист и умен.
«Пошли его к брату с посланьем своим,
«Быть может вражду в его сердце смирим.

«Сокровище брату отдай, не жалея,
«Поверь, мне жизнь брата — сокровище ценней.
«Достанутся перстень, корона тебе,
«Не спорь о динарах, доверься судьбе.
«Поведал мне неба таинственный круг,
«Что жизнь оборвется Талхандова вдруг,
«Вращаются в небе семь ярких планет,
«Средь них благосклонной к царевичу — нет.
«Погибнет несчастный на поле войны,
«На гибель толкать мы его не должны.
«Печати и трона нельзя отдавать,
«Ничтожным царем тебя могут назвать.
«Отдай, что захочет: богатство, коней,
«Чтоб совести было спокойно твоей.
«Ты будешь царем, звезды служат тебе.
«Ты мудр и угоден высокой судьбе».
Прослушал владыка советника речь,
Второй раз он брата решил остеречь.
Тоскуя, он слезы рекой проливал.
Бойца, красноречьем известного, звал,
Ему говорил он: «К Талханду ступай,
«О горести Гава ему передай:
«Изранено сердце и совесть больна,
«Измучено тело, душа смущена
«Вращением неба, лихою враждой;
«Он молит, чтоб сжалился бог всеблагой,
«Чтоб в сердце твоём пробудилась любовь,
«Чтоб ты примирился, не лил больше кровь.

«Мудрец, что у трона стоит твоего,
«Благого не скажет тебе ничего.
«Спроси у Семи и Двенадцати ты,
«Сбываются ль полные скверны мечты?
«Хоть смел и отважен ты в гордой борьбе,
«Но все же подвластен жестокой судьбе.
«Повсюду враги, где ни глянешь — злодей,
«Не мало есть в мире коварных людей.
«Восстанут на нас и Китай, и Кашмир,
«И сделают тесным для нас этот мир.
«И львов из Ирана боюсь я когтей.
«Коль будем упорствовать в распре своей.
«Три края нас будут тогда презирать,
«От нас отворачится могучая рать.
«И скажут: — К чему за венец и престол
«На Гава Талханд неразумный пошел?
«Иль родом высоким они не равны?
«Ведь оба отцов благородных сыны.
«Сердца их смутила нечистая речь
«И руки в крови обагрили и меч. —
«Покинь свое войско и к брату ступай
«И свет омраченный душе ты отдай.
«Тебе дам богатства, коней и парчу,
«Печальным я видеть тебя не хочу;
«Из рук моих земли прими и венец,
«Из кости слоновой престол и дворец,
«Брат старший тебя не обидит, поверь,
«Он распрю с тобой ненавидит, поверь.

«Но если б ты добрый совет мой презрел,
«Раскаянье станет плодом твоих дел».
Гонец побежал, как вода, в тот же миг
И мрачного духом Талханда достиг.
И Гава советы отнес ему он,
Сказал про сокровища, земли и трон.
Царевич прослушал сполна его речь,
Разумна, правдива, красна его речь,
Но рок сокровенный другое велел, —
И брата советы царевич презрел.
Сказал: «Отправляйся, и брату скажи:
«Полны твои речи обмана и лжи.
«Язык твой — отрубит сверкающий меч,
«А тело — священный огонь будет жечь.
«Прослушал я речи пустые твои,
«И понял я помыслы злые твои,
«Мне ларишь престол и богатства царей?
«А сам то ты кто средь великих мужей?
«Богатство и земли страны — всё мое.
«От солнца до рыбьей спины — всё мое,
«Приблизился час твой последний, поверь.
«Недаром томят тебя думы теперь.
«Гляди, на две мили раскинулся строй,
«И всадник и слон выступают на бой.
«Готовься же к битве, веди свою рать.
«Ты биться задумал? Чего же нам ждать?
«На силу и славу Талханда взгляни,
«Я знаю, что звезды сочли твои дни.

«Ты знаешь лишь хитрость и низкий обман.
«Ты страхом великим сейчас обуян.
«Чужды тебе разум, престол и венец,
«Счастливым тебя не считает мудрец».
Посланник, вздыхая, вернулся домой,
С царем поделился он вестью дурной.
До часа ночного, до мрака и мглы
Все к брату от брата скакали послы.
Войска собралися на поле пустом
И лагерь вокруг обвели они рвом,
Дозоры в степи охраняли от зла,
Итак эта ночь до утра протекла.

Бой Гава с Талхандом

Покинуло Солнце созвездие Льва
И стали как море земля и трава,
А солнце чадру золотую несет,
Чадрой застилает лазоревый свод.
Раздалися звуки призывных рогов
И гром барабанов у ставок врагов.
И снова знамена двух шахов горят,
Направо, налево — воителей ряд.
Два гордые шаха возглавили строй,
Близ каждого шаха наставник седой.
Наставника Гав своего призывал,
Велел, чтоб воителям громко сказал:
«Поднимем знамена из яркой парчи

«И сизые вынем из ножен мечи.
«Пусть витязи шага не ступят вперед,
«И с места пехота пускай не сойдет.
«Поспешны в годину опасной войны
«Лишь те, кто глубоким умом не сильны.
«Посмотрим, как войско Талханд поведет,
«На поле сраженья как выйдет вперед.
«Пречистого господа волю хвали
«От светлого солнца до темной земли,
«Такую я в сердце надежду таю
«Что светлой он сделает долю мою.
«Советом я брата смягчал своего,
«Но слушать Талханд не хотел ничего.
«Но кровь за богатство вы лить не должны,
«Не мало у нас драгоценной казны,
«Коль витязь, что бьется в войсках у меня,
«В срединное место направит коня
«И встретит Талханда средь сечи лихой,
«Его да не бросит во прах головой.
«Хвалу вознося нападем на слонов,
«Пусть каждый из вас будет к битве готов».
Вскричали: «Послушны желаньям твоим,
«Душою верны приказаньям твоим».
Талханд обратился к войскам, говоря:
«О, стражи престола, опора царя,
«Чтоб стать победителем в грозной борьбе,
«Чтоб звезды к счастливой вели нас судьбе,
«О войско, для мести свой меч обнажай,

«Надейся на бога, врагов поражай.
«Но Гава настигнув — щадите его —
«И словом лихим не корите его.
«Схватите его на свирепом слоне
«И, руки связав, приведите ко мне».
Тут громко рога заиграли кругом,
И шум поднялся перед царским шатром.
От пыли, от ржанья коней боевых,
От грохота тяжкого палиц стальных
Гудели глубины и суши и вод,
Ты скажешь, — обратно потек небосвод.
В мельканьи и блеске стальных топоров,
Ты скажешь, — не видно ни ног, ни голов.
Вот стрелы летят, дал им перья орел,
И солнце, боясь, подобрало подол.
Земля — словно крови большая река.
Под тягостным гнетом чело и рука.
Как злые слоны двое юных царей
Летят — окруженные ратью своей...
Тут братья друг другу кричать принялись:
«Ударов копья моего берегись,
«Ты с братом опасной борьбы не веди,
«И будь осторожен, себя пощади».
Кричали друг другу, и тот и другой,
А поле кровавою стало рекой.
В руках у героев сверкает булат,
По бранному полю герои кружат.
Из ран, нанесенных мечами царей,

Потоки из крови и мозга людей.
Уж солнце небесный покинуло свод,
А бой продолжается, сеча идет...
Тут голос раздался, воскликнул тут Гав:
«О, витязи, други военных забав!
«Молящих пощады щадить мы должны,
«Пусть мести не будет на поле войны.
«А брат испугается битвы со мной,
«Оставшись один среди равнины пустой».
И много пощады искало себе,
Но много и пало в жестокой борьбе.
Рассеяно войско, бегут кто куда.
Без стада пастух, без защиты стада.
Остался Талханд на слоне одинок.
А Гав ему голосом громким изрек:
«О, брат, возвращайся ты лучше домой,
«Смотри ты за домом своим и казной,
«Но только боюсь, что в живых ты найдешь
«Не многих из храбрых и славных вельмож.
«От бога исходит все доброе, знай
«Всю жизнь его милость, о брат прославляй,
«Что с поля сраженья ушел ты живым.
«К чему предаваться раздумьям пустым?»
Услышал Талханд эти речи и крик,
Залился слезами стыда его лик.
Он в Марг возвратился из степи пустой,
Бойцы отовсюду стекались толпой...
Сокровища отпер и всех одарил,

Бойцы взвеселились, исполнились сил.
Достойных одеждой почетной одел,
Всем роздал награды по мере их дел.
Войска за динары из царской казны
Страданья забыли, отваги полны...
Посланье отправил в обидных словах:
«Ты, Гав, на престоле, — как плевел в садах.
«Ты будешь в огне беспощадном сожжен,
«Зашиты глаза твои, дух твой сражен.
«Тебе невредимым от нас не уйти,
«Напрасной надеждой ты сердце не льсти».
Когда услышал эти речи герой
От брата на век отворотился душой.
От слов этих сжалось сердце в груди.
Наставнику молвил: «Дивись, погляди».
Ответил наставник: «О, доблестный царь!
«Наследник отца и страны государь!
«Умом ты богаче ученых мужей,
«Ты всех венценосцев могучих сильней.
«Я правду владыке всегда говорил
«О вешем теченьи небесных светил,
«Пока не погибнет тот славный герой,
«Во прах не падет, извиваясь змеей,
«Уйти не захочет он с поля войны.
«Но мы торопиться с тобой не должны.
«Не надо жестоких речей говорить,
«В нем лаской попробуй ты стыд пробудить.
«Но если стремится он к скверным делам

«Что сделаешь? Бог порешил это сам.
«Войну он затеет — уйдем от войны,
«Где он поспешает — мы медлить должны».
Тут войска водитель посланца позвал
И с ласкою речи к нему обращал,
Сказав ему: «К брату иди, передай:
«Бесчинства и грубости ты избегай;
«Подумай, бесчинство не красит владык,
«Отец твой был славен — и ты будь велик,
«Я знаю, не внемлешь советам моим,
«Не веришь ты вовсе обетам моим.
«Однако желаю по-прежнему я,
«Чтоб стала счастливою доля твоя.
«Скажу я о том, что на сердце лежит,
«Что душу печалит мою и томит.
«Тебя совращает наставник лихой,
«От разума путь уклоняется твой.
«О брат, воздержись от неправедных слов,
«Наш мир — это зданье из ветра и снов,
«Со мной помирись, и по воле твоей
«Казну и сокровища, верных людей,
«Пошлю тебе все, что иметь ты желал.
«Чтоб ясно озлобленный дух твой видал,
«Что в сердце одну справедливость таю.
«Ужель не порадую душу твою?
«Узнаешь ты волю мою от гонца,
«Коль слушать захочешь его до конца.
«Но если желаешь одной лишь войны,

«А мир и согласие тебе не нужны,
«Войска свои выведу тотчас на бой,
«Всю область наполнит развернутый строй.
«Из этой возделанной, людной страны
«На берег морской отойти мы должны,
«Мы рвом окружим наше войско затем,
«Дорогу отрежем вопителям всем,
«Из моря в тот ров мы напустим воды
«И все для нее мы закроем ходы,
«Чтоб враг пораженный, желая уйти,
«Через ров не нашел бы для бегства пути.
«Из нас кто к победе в сражении придет —
«В том месте закрытом пусть крови не льет.
«Войска мы захватим, отважны смелы,
«Но трогать не будем меча и стрелы.
Гонец точно ветер летел и едва
Талханда достиг — передал те слова.
Лишь брата посланье Талханд получил,
Как в лагере славным водителям сил,
Велел объявить, чтоб сбирались к нему.
Достойных к престолу сажал своему.
Собранию поведал он Гава ответ,
Все тайны открыл, чтобы дали совет.
Сказал им: «Готовится новый поход,
«То Гав хочет биться у берега вод,
«Теперь рассудите: как дело решить?
«Вопрос этот трудный как смело решить?
«И если во всем вы согласны с мной,

«Никто не отступит из вас пред войной.
«Равно где сражаться на море ль, в горах,
«Коль будет на поле согласие в войсках.
«Коль будем друзьями на поле войны,
«То станут ли барсам лисиды страшны?
«Кто хочет на свете великим прослыть,
«Тот должен великим в дерзаниях быть.
«И лучше в сражении со славою пасть,
«Чем видеть врагов торжествующих власть.
«Великий тот день наступил, наконец,
«Что в поле разделит волков от овец.
«Кто будет отважным в упорной борьбе,
«Тот жребий счастливый готовит себе.
«Ему самоцветных камней подарю,
«Рабов и отборных коней подарю.
«От моря китайского в дальний Кашмир
«Пройдет о нас слава, восхвалит нас мир.
«Все страны я славному войску вручу,
«Когда и венец и престол захвачу».
И тотчас вельможи и стражи границ
Упали во прах и склонились ниц.
«Мы славы желаем и честной борьбы,
«Ты дарь наш и видишь вращенье судьбы».

*Вторая битва Гава с Талхандом и смерть Талханда
на спине слона*

Вот в ставке Талханда послышался крик,
Вся область, вскипев, всколыхнулась вмиг,

Царевич на берег выводит людей,
И Гав появляется с ратью своей.
Так встретились здесь оба брата-царя,
Желанием мести и злобой горя.
И рвом обвели они луг боевой,
А ров, углубив, наполняли водой.
Войска занимали для битвы места,
У всадников в пене кровавой уста,
Направо, налево развернут их строй,
Обоз отослали на берег морской.
Два шаха, — и каждый к отмщенью готов,
Седмать приказали могучих слонов.
В середине места занимают свои,
Оттуда войска направляют свои.
Как сажа земля и багров небосклон
От копей стальных и шелковых знамен.
Эбеном стал воздух от пыли густой;
От звонкого пенья трубы боевой —
Ты скажешь — безбрежный вскипел океан
И яростью в нем крокодил обуян.
От ран, что секира в бою нанесла,
Над морем поднялась кровавая мгла.
Тут солнце подол подобрало, и вот —
Не видно людей, потемнел небосвод.
И с неба не дождь, а мечей ураган,
И красный в пыли вырастает тюльпан.
А шум боевой до небес доходил,
Казалось — света конец наступил.

Мужей прозорливых туманится взор,
От пыли не виден широкий простор.
И столько на поле поверженных тел,
Что коршун во век бы пожрать не успел.
Там сердце, там мозг или печень лежит,
Не видно в крови лошадиных копыт.
Тут ввергнут отряд в окровавленный ров,
Здесь трупы во прахе лежат без голов.
На море от ветра поднялась волна,
А рать выступает отваги полна.
Тут на поле взоры Талханд устремил
И видит — земля, что взволнованный Нил.
В лицо ему ветер поднялся тогда,
Нужны ему стали питье и еда.
От солнца, от ветра, от острых мечей
Не видит спасенья и к бегству путей.
В седле отошел он к последнему сну,
Индийскую Гаву оставил страну.
Величье к себе привлекает людей,
Ввергает ничтожество в бездну скорбей,
Но оба не вечны. О мудрый, смотри,
Беспечность уделом своим избери!
Богатство собираешь, к лишениям готов,
Поверь мне, богатство не стоит трудов. —
Тут Гав оглядел поле боя кругом
И знамени брата не видит на нем.
К слону его всадника тотчас послал,
Чтоб каждую сажень кругом обыскал,

Узнал бы, где зная, красней, чем рубин,
Пред знаменем этим робел не один.
«Где брат? он не идет военных забав?
«Иль крутится пыль, мои очи застлав?»
Помчался посланец, смотрел он везде:
Талхандова знамени нету нигде.
В середине — смятенье, взволнована рать,
Все всадники бросились шаха искать...
Вернулся гонец, как взметенная пыль,
И Гава поведал печальную был.
Тут ратей водитель сошел со слона,
И, плача, две мили прошел он сполна,
Талханда умершего брат увидал,
Все витязи войска скорбят — увидал.
На руки, на ноги, на тело глядит,
Но раны не видно, все цело — глядит.
Он рвал свое тело, он в грудь себя бил,
Над братом склонился печален, уныл.
И так говорил он: «О юный герой,
«Скорбя ты ушел, со смятенной душой.
«Тебя погубило вращенье светил,
«Иначе бы ветер тебя не убил.
«А мудрым советам не стал ты внимать,
«Ушел ты, повергнув в отчаянье мать.
«Не мало давал я советов благих,
«Да не было пользы Талханду от них».
Тут Гава наставник премудрый догнал,
Талханда умершего вмиг увидал.

Пред Гавом с рыданьем склонился во прах
И с грустью воскликнул: «О, юноша — шах!»
А после уста к поученью открыл,
Сказал: «О, владыка прославленный сил.
«В стенаньях и скорби что пользы тебе,
«Свершилось, что было угодно судьбе.
«Да будет прославлен творец всеблагой,
«Что брат поражен не твоею рукой!
«Я с давней поры говорил тебе сам
«Про солнце, луну, про Кейван и Бахрам,
«Про то, что Талханд, поспешая на бой,
«Стремится навстречу судьбе роковой.
«Развеяно дело Талханда как дым,
«Погублен безумным задором своим.
«Взгляни, твои воины тоже скорбят
«И все на тебя устремляют свой взгляд.
«Ты сам успокойся и нас успокой,
«Свой разум и сердце тотчас успокой.
«Ведь если увидят войска и народ,
«Что царь их рыдает и пеший идет,
«От этого чести царевой урон,
«Царь может быть чернью простой оскорблен.
«Елею подобно величье царей,
«Поднимется пыль — замутится елей».
Затем мудрецов он к себе призывал,
Кровавые слезы с ресниц утирал,
Царевичу сделали гроб костяной
Украсили златом его, бирюзой,

Камфарным елеем, душистой смолой
И мускусом вымыли гроб дорогой.
Парчою закрыли усопшего лик,
Сокрылся герой, что был знатен, велик,
А войску велели поспешно идти
И долгих привалов не делать в пути.

Мать узнает о смерти Талханда и оплакивает его

Когда оба шаха собрались на бой,
Утратила мать их и сон и покой,
Дозорных послала к дороге она,
Все дни проводила в тревоге она.
Как пыль подняла возвращаясь рать,
Дозорному с вышки далеко видать.
Вот с вышки вдали знамя Гава видно,
Все поле широкое войска полно.
И смотрит дозорный, глядит без конца,
Не видно Талханда слона и венца.
Средь рати Талханда нигде не видать.
Послали гонца, чтоб уведомить мать.
«Там войско идет у подножия гор,
«То Гава дружина, вельможи и двор.
«Талхандова знамени нет и слона,
«И пышная свита его не видна».
У матери слезы полились рекой,
И билась о стену она головой,
Когда ж разнеслася печальная весть,

Что царская слава погибла и честь,
Что умер Талханд на спине у слона,
А Гава достались престол и страна,
Бегом поспешила в Талхандов чертог,
На светлом челе ее — крови поток.
Сорвала одежды с себя и венец,
Огню предала и казну и дворец,
Величья престол и корону сожгла,
А после высокий костер развела,
Чтоб сжечь сына труп по обычью страны,
Как делают люди, что в вере сильны.
О горести матери бедной узнав,
Погнал к ней коня легконогого Гав,
Пришел он и крепко царицу обнял
И, слезы рекой проливая, сказал:
«Послушай, о мать, что скажу тебе я.
«В войне этой страшной вина не моя.
«Не я и не друг мой Талханда убил,
«И мысли преступной никто не таил,
«Чтоб малый хотя б нанести ему вред.
«Талханда сгубило вращенье планет».
«Злодей», ему мать отвечала скорбя,
«Пускай небосвод покарает тебя.
«Ты брата убил за престол и венец,
«Тебя назовет ли счастливым мудрец?»
Ей сын отвечает: «Любезная мать,
«Зачем тебе сына хулить, проклинять?
«Теперь успокойся, о битве в полях

«Скажу, все узнаешь о шахе, войсках.
«И где же найдется безумец такой,
«Что с братом отважился б кинуться в бой?
«Владыкой, что солнце с луной сотворил,
«И сумрак и свет и вращенье светил,
«Клянуся — дотоль не увижу дзорда,
«Коня и секиры, меча и венца,
«Покуда всей правды тебе не скажу,
«И в сердце жестоком любовь пробужу.
«Тогда ты увидишь, что злой человек
«Талханда сгубить не посмел бы вовек.
«Кто в мире спасется от смерти лихой,
«Хоть душу оденет стальной броней?
«Раз этой свече догореть суждено —
«Дыханья уже не вернуть все равно.
«Но если покоя тебе не вернем,
«То богом клянуся, чья воля во всем,
«Что пламени тело свое я предам,
«Погибну в огне я, на радость врагам».
Прослушала мать его речи сполна
И Гава красу пожалела она.
Герой хочет пламени тело предать —
В нем дух не успел еще жизни узнать.
Сказала ему: «Так поведай же мне,
«Как умер царевич Талханд на слоне.
«Но коль не расскажешь, чтоб я поняла —
«Сгорит мое бедное сердце до тла».
Исполненный скорби, достиг он дворца,

Призвал он познавшего мир мудреца,
О встрече с царицей ему говорит,
За мать его сердце болит и горит...
И так восседают в раздумьи они,
Наставник и Гав, без собранья одни.
И Гаву сказал благонравный мудрец:
«Нам трудно увидеть желанный конец.
«Мы старых и малых к себе призовем,
«Мы выберем доблестных, острых умом,
«В Кашмир мы пошлем, в Марг, и в Май, и в Дамбар,
«Огыщем мы тех, кто разумен и стар,
«Про море, про ров и про ратных людей
«Расскажем мудрейшим из мудрых мужей».

Изготовление игры шахмат для матери Талханда

Разосланы Гавом повсюду гонцы,
Во все города, где живут мудрецы,
И каждый в палаты царицы пришел,
И каждый предстал пред высокий престол.
И сел миродержец в собраньи мужей,
Что в Индии доблестней всех и мудрей,
Наставник им поле войны начертал,
Движение войск и вождей указал:
О море, о рве, о вместилище вод
Здесь всякий толкует и речи ведет.
Всю ночь не смыкали мобы очей,
О деле ином не водили речей.

Когда же забил на дворе барабан,
Велели они, чтоб эбен был им дан.
Квадратную сделали доску потом
Два мужа ученых и с чистым умом.
Здесь ров, здесь и поле кровавой войны,
Где станут два войска, отваги полны.
Сто клеток мобеды устроили там,
Чтоб двигаться войску и славным царям.
Из тека и кости слоновой полки,
Два шаха, что в славе своей велики.
Гляди — и пехота и конница тут,
Два войска построились, в битву идут.
Здесь кони, слоны и наставник дая,
Бойцы, что сражались, отвагой горя.
Все было как в день, когда шли они в бой,
Один нападает и медлит другой.
Вот шах посредине дружины своей,
С ним рядом наставник — всех мудрых мудрей.
Слоны у владыки с обеих сторон, —
И прах под ногами — как Нил возмущен.
Стоят за слонами верблюды потом,
На них двое витязей чистых умом.
А дальше герои на быстрых конях,
Что ищут опасности в жарких боях.
По краю два руха сидят боевых,
Кровь печени рдеет на клювах у них,
А сзади и спереди пешая рать,
Что в битве готова всегда помогать,

Кто поле пройдет, будет вечно потом,
Подобно наставнику, рядом с царем.
Наставник в сражении близ шаха идет
И только на клетку уходит вперед.
Три клетки идут боевые слоны,
Им битвы поля на две мили видны.
И на три же клетки верблюды идут,
Бежит, выступает по полю верблюдов.
И конь может тоже три клетки итти,
Но к третьей бежит, уклоняясь с пути.
А рухов не может никто обогнать,
Дано им все поле насквозь пролетать.
И каждый свершает положенный путь,
Не смея ни ближе, ни дальше шагнуть.
Кто шаха увидит на бранных полях,
Ему говорит: «Берегися, о шах».
Из клетки тут шах отступает своей,
Пока не утратит он к бегству путей.
Теснят и со всех окружают сторон
Наставник и рух, конь, пехота и слон.
И смотрит кругом государь молодой:
Рассеяно войско, в тревоге большой.
Вода и преграды, куда ни беги,
Направо, налево, повсюду враги.
Шах мат — от лишений скончался герой,
То было веленье судьбы роковой.
И так о Талханде сказать пожелав,
Начало дал шахматам доблестный Гав.

Глядела на шахматы скорбная мать,
 И слезы о сыне полились опять.
 Так дивно и ночью сидела она,
 На шахматы глядя печали полна.
 Все мысли и думы ее — об игре.
 Душою скорбит о Талханде-царе.
 Кровавые слезы лила из очей,
 И шахматы только утеха у ней.
 Еду отвергала, недвижна была,
 Покуда кончина ее не пришла.

Вселенная будет такою всегда:
 Изменчиво счастье, приходит беда.
 Окончен теперь этот долгий рассказ,
 Что в древних преданьях я слышал не раз.
 Доска же для шахматной мудрой игры
 Осталась на память от этой поры.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

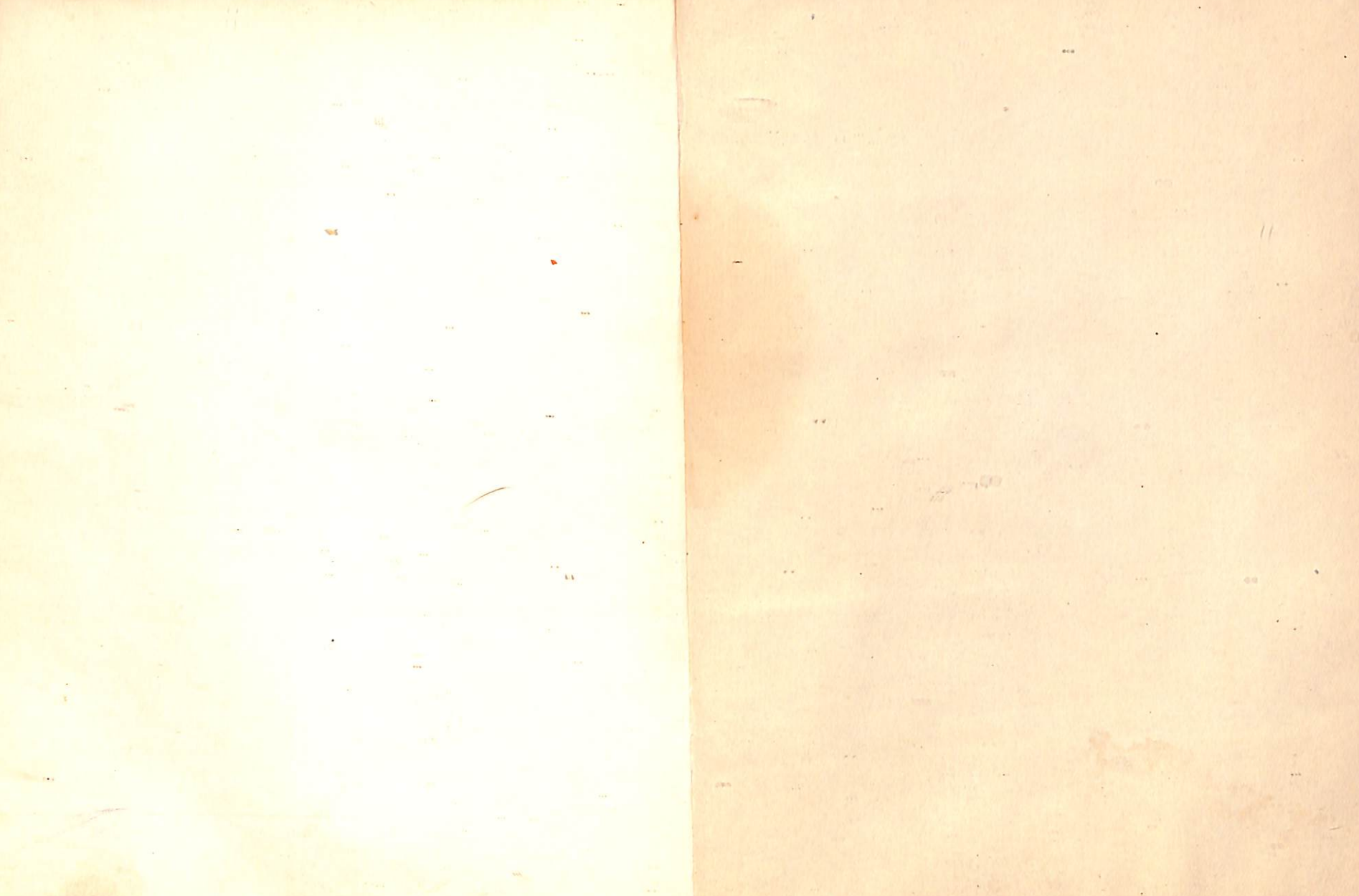
1. Царь Хосров Парвез.
 Рельеф на скале, начала VII в., Так-и-Бостан, Иран.
 По рисунку в альбоме английского худ. Кэр-Портера
Эрмитаж.
2. Царь Хосров Аношрован среди своих полководцев; внизу —
 его сын на охоте.
 Сасанидское серебряное блюдо VI века.
 Найдено в районе Кунгура. *Эрмитаж.*
3. Мудрецы представляют индийскому дарю шахматы, кости
 и нарды.
 Миниатюра на л. 2v кастильской «Книги игр», руко-
 писи короля Альфонса Мудрого, 1283 г. *Эскуриал.*
 По фототипическому изданию, *Лейпциг, 1913.*
4. Первая шахматная партия.
 Миниатюра на л. 17v той же рукописи.
5. Изготовление шахмат.
 Миниатюра на л. 3г той же рукописи.
6. Изготовление нарды.
 Миниатюра на л. 73г той же рукописи.
7. Производство игральные костей.
 Миниатюра на л. 65v той же рукописи.
8. Игра в серебряных дел мастерской.
 Миниатюра на л. 23v той же рукописи.

9. Игра в лавке торговца тканями.
Миниатюра на л. 23г той же рукописи.
10. Игра в аптеке.
Миниатюра на л. 31г той же рукописи.
11. Игра в шатре во время похода.
Миниатюра на л. 64г той же рукописи.
12. Справка в руководстве во время игры.
Миниатюра на л. 14г той же рукописи.
13. «Большие шахматы».
Миниатюра на л. 82v той же рукописи.
14. Шахматная фигура из слоновой кости, VIII—IX в.
Найдена на Афрасиабе (Самарканд). Эрмитаж.
15. Царь Арташир Папакан и бог Ормазд.
Рельеф на скале, III в., Накш-и-Рустем, Иран.
По рисунку в альбоме английского худ. Кэр-Портера.
Эрмитаж.
16. Шахматная фигура из слоновой кости — рух.
Найдена в Фергане. Эрмитаж.

Рисунки на обложке
работы П. А. Шиллимовского

Редактор Д. П. Жуков
Техн. ред. Ф. Ф. Потяфит
Сдано в набор 15/III 1936. Подп.
к печати 19/V 1936. Ленинград
№ 13391, Тир. 8000. 12 1/2 печ.
лист. и 16 вклеек. Бум. 72×110 1/32.
21000 зн. в 1 печ. листе. 21 тип.
ОГИЗа треста «Полиграфкинг»
имени Ивана Федорова Ленинград,
Звенигородская ул. 11. Заказ 116.

ЦЕНА 5 РУБ.

ՀՀ Ազգային գրադարան

